

Евгений СУХОВ

МЕДВЕЖАТНИК ФАРТА НЕ УПУСТИТ

ЭКСМО

Медвежатник

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Медвежатник фарта не упустил

«ЭКСМО»

2008

Сухов Е. Е.

Медвежатник фарта не упустит / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2008 — (Медвежатник)

Хранилище Госбанка в Казани набито золотом до отказа – это большевики упрятали золотой запас Российской империи подальше от боев Гражданской войны. Золотые слитки, монеты, полосы – все это предстает взору легендарного вора-взломщика Савелия Родионова, прибывшего в город под личиной инспектора Наркомата финансов. Золото он увидел – теперь предстоит взять его. Помощники у Савелия надежные, все продумано до мелочей. Вот только почему-то охрану банка заметно усилили. Что ж, чем труднее задача, тем интереснее. Недаром Родионова прозвали королем медвежатников.

Содержание

Часть I. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК	5
Глава 1. ИНСПЕКТОР БАНКА	5
Глава 2. КОМИССАР ГОСБАНКА	10
Глава 3. ПЯТЬСОТ ТОНН ЗОЛОТА	20
Глава 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	24
Глава 5. ИГРА – В «ТРИ КОСТОЧКИ»	30
Глава 6. ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД	37
Глава 7. ДОПРОС	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Медвежатник фарта не упустит

Часть I. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК

Глава 1. ИНСПЕКТОР БАНКА

Устаревший «Эриксон» последний раз с громким шипением испустил облако пара и, лязгнув железом, наконец остановился. Его давно полагалось разрезать на куски, переплавить в особых печах в груды обыкновенного металла, а то и просто в качестве экспоната установить на постамент в каком-нибудь из музеев железнодорожного транспорта, а он (поди ж ты!) продолжал колесить по России и таскать за собой вагоны, набитые людьми, чемоданами, баулами и еще невесть каким добром!

Когда паровоз остановился, старчески отпыхиваясь, из вагонов на неширокий заасфальтированный перрон, запруженный встречающими, горохом из порванного куля посыпались люди – хмурые, с невыспавшимися лицами, с огромными котомками за плечами и баулами в руках – мешочники. В Москве уже вовсю неистовствовал голод, и только в провинциальных губернских и уездных городах еще можно было прикупить чего-нибудь съестного и как-то запастись крупой и мукой.

Губернская Казань городом являлась торговым, и хоть цены на продукты были вчетверо выше по сравнению с довоенными, а все ж ниже, чем в Москве. Вот и ехал сюда всякий разношерстный люд в надежде заняться коммерцией: купить здесь дешево, а в Москве продать дорого, а кто и просто прикупить продукты для себя и тотчас отправиться обратно; встречались и такие, кто хотел просто переждать в нем наступившие смутные времена. Ибо революции, перевороты и прочие катаклизмы как «сверху», так и «снизу» есть не что иное, как черная смута.

Очевидно, веская причина для приезда в Казань была и у человека, чуть старше средних лет в полувоенном застиранном френче. Серебряный налет седины на стриженных висках свидетельствовал не столько о его возрасте (хотя проступившая седина его больше молодила, чем старила), сколько о том, что человек этот пережил и повидал в жизни всякого, а цепкий взгляд серо-голубых глаз невольно наводил на мысль, что их обладатель наделен недожинным умом и неудержимой энергией.

Человек во френче приехал в специальном купейном вагоне, на котором не висели гроздьями мешочники, а на крыше не кутались от ветра в драные шинели дезертиры с фронта с длиннющими сигарками в зубах. Вход в вагон строго охранялся часовыми при винтовках с примкнутыми штыками – поди, сунься – пристрелят не мешкая! Еще двое солдат дежурили в тамбуре, надменно наблюдая за сгружающимся людом. Вагон был специальный и предназначался для представителей «народной власти».

Переждав, пока толпа приезжих схлынет, человек, придерживаясь за поручни, медленно спустился по крутым вагонным ступеням. В руке он держал пузатый, изрядно затертый саквояж, похожий на докторский, а в одном из карманов добротного френча лежал мандат на имя Александра Аркадьевича Крутова, старшего инспектора Наркомата финансов. Мандат был подписан самим наркомом. Согласно выданной бумаге, товарищ Крутов направлялся в Казань с инспекторской визитацией финансовых учреждений города, а главное – Отделения Государ-

ственного банка, куда был эвакуирован две недели назад почти весь золотой запас Российской империи. Местным властям предписывалось владельцу документа оказывать всяческое и необходимое содействие. В действительности удостоверение было изготовлено знаменитым фальшивомонетчиком с Хитровки, причем настоль виртуозно, что печати даже у самого искусственного не вызвали никакого сомнения в их подлинности, а замысловатая подпись наркома выглядела правдоподобнее истинной.

Александр Аркадьевич оглядел перрон, ненадолго задержал взгляд на приземистом красном здании вокзала и обернулся, чтобы подать руку миловидной даме в строгом летнем дипломате и крохотной шляпке, чудом, казалось, державшейся на высокой прическе.

– Товарищ Крутов? – услышал он за спиной.

– Он самый, – охотно обернулся к говорившему Александр Аркадьевич, успев улыбнуться в ответ на тревожный взгляд своей спутницы.

Перед ним стоял худощавый молодой человек, не более тридцати лет, с проступающей щетиной на впалых щеках, точно в таком же френче и в черной фуражке, надвинутой едва ли не на самые глаза.

– Помощник губернского комиссара Михайловский, – представился говоривший, приложив узкую ладонь к блестящему козырьку. – Как доехали?

Короткого рукопожатия оказалось вполне достаточно, чтобы рассмотреть глаза Михайловского – настороженные и внимательные.

– Спасибо, вполне благополучно.

– А где ваш багаж? – поинтересовался помощник губернского комиссара, невольно поглядывая по сторонам.

– Да вот он, – указав на саквояж, ответил Крутов. – Весь тут... Я, знаете, неприхотлив... Знакомьтесь, моя супруга Елизавета Петровна.

– Очень приятно, – сотворив некое подобие улыбки, сказал Михайловский, слегка пожимая теплую ладошку Лизы. – Пойдемте, нас ждет автомобиль.

Обойдя здание вокзала, они вышли на привокзальную площадь, мощенную темно-зеленым диабазом, где в стороне от извозчичьей биржи стояло большое черное авто с открытым верхом.

– Прошу вас, – сказал Михайловский, открывая перед Крутовым заднюю дверцу.

Александр Аркадьевич, пропустив вперед себя Елизавету, устроился и сам, плюхнувшись на горячее от июльского солнца сиденье. «Мерседес-Бенц» затарахтел и, выпустив темно-серое облачко дыма, плавно тронулся, выехал на Посадскую, держа направление к центру города.

– Куда вы нас определите? В «Европейскую»? – спросил Крутов, глядя по сторонам.

– Увы! К сожалению, сейчас «Европейская» на ремонте. Реконструируем из нее жилой дом для служащих наркоматов республики, – полуобернувшись, ответил Михайловский.

– А номера Щетинкина?

– Нумера Щетинкина заняты штабом Восточного фронта. Так что возем вас в номера «Франция», что на Воскресенской улице. А вы что, раньше бывали здесь, Александр Аркадьевич? – не без удивления поинтересовался Михайловский.

– Приходилось по делам службы, – неопределенно ответил Крутов, незаметно переглянув с Лизаветой.

* * *

Впервые человек, именовавший себя Александром Аркадьевичем Крутовым, коего в обеих столицах и во многих губернских городах бывшей империи знали как наилучшего медвежатника Савелия Николаевича Родионова, побывал в Казани по настоянию супруги

одиннадцать лет назад. Он даже справил в ней Рождество: по-семейному, с елкой, подарками и неторопливыми разговорами ни о чем. Звали его тогда по паспорту мещанином Костромской губернии Федосеевым Павлом Николаевичем. Паспорт тогда у него был самым что ни на есть настоящим – его выправила по каким-то своим каналам Елизавета Петровна. Супругу задержали какие-то текущие дела, и он вынужден был выехать первым.

– Я буду денька через два, – прощаясь, пообещала Елизавета, торопливо поцеловав его в щеку, когда они стояли на перроне Казанского вокзала. – Не успеешь соскучиться...

Приезд в Казань, в город относительно благополучный, не замешанный в политических возмущениях, был мерой вынужденной, так как однажды Савелий Николаевич оказался не в то время и не в том месте.

А произошло вот что...

Первого ноября 1906 года Савелий Родионов прогуливался по Большой Никитской, когда близ здания Консерватории остановилась коляска с откидным верхом, и из нее молодецкато выбрался московский градоначальник генерал-майор Анатолий Анатольевич Рейнбот в длинной, до самых пят, шинели. Его превосходительство успел сделать всего лишь несколько шагов, как от стен Консерватории стремительно отделилась фигура в студенческой тужурке со свертком в руках. Размахнувшись, неизвестный швырнул сверток под ноги генерала, но Рейнбот, проявляя удивительную расторопность, отскочил назад. Сверток ударился в полы генеральской шинели, а выпавший из него снаряд цилиндрической формы пролетел меж ног Рейнбота, тяжело прокатился по тротуару, стуча шероховатыми металлическими боками, и, сорвавшись с бордюра, упал на мостовую, где и взорвался, полоснув окружающее пространство снопом разлетевшихся осколков.

Прозвучавший взрыв оказался до того мощным, что в здании Консерватории и в близлежащих домах напрочь повывлетали все стекла; опрокинулись на бок две пролетки, стоявшие рядом, осколками ранена молодая пара, проходившая неподалеку, а градоначальник не был даже контужен. Тогда человек в студенческой тужурке, больше смахивающий на обыкновенного громилу, нежели на исполнителя «воли народа», достал револьвер и стал стрелять в генерала.

«Первую пулю я очень явственно слышал, – за-явит позже репортеру „Русского слова“ генерал Рейнбот. – Она прожужжала над головой. Затем послышался второй выстрел...»

Анатолий Анатольевич не стал дожидаться, куда его достанет третья пуля, и выстрелил в рыжего. Тот, схватившись за шею, покачнулся и рухнул на ступени консерваторского крыльца.

Мгновенно полицейскими и подоспевшими жандармами было оцеплено несколько близлежащих кварталов и задержаны «для выяснения личностей» все бывшие на улицах прохожие. Так в полицейские сети, расставленные для поимки террористов, попал мещанин Павел Николаевич Федосеев, знаменитый банковский налетчик и легенда уголовного мира Савелий Родионов. Его фотографические карточки в усах и при бороде, а также без оных имелись в каждом полицейском участке Москвы, и его «закрыли» в Бутырской тюрьме в скученной камере вместе с прочим людом, где уже «парились» матерые уркаганы и молодые жиганы, едва успевшие хлебнуть лиха.

Через три недели Родионов был выпущен под залог, устроенный Елизаветой при содействии начальника розыскного отделения Департамента полиции генерала Белецкого, шефа берлинской агентуры. Скорее всего, Савелию зачлось его участие в поимке и содействие в переправке в Россию из Берлина резидента японской разведки, известного в специфических кругах под кличкой Янычар. А иначе припомнили бы ему все его кунштюки и прочие безобразия и ближайшим этапом отправили бы по Сибирскому тракту. Елизавета сумела раздобыть ему и паспорт и наказала ехать именно в Казань, мотивируя это тем, что у нее там есть «кое-какие» дела и она в скором времени тоже туда прибудет...

Второй раз Савелий прибыл в Казань уже в 1909-м, когда брал потайной сейф с алмазной короной императрицы Екатерины Великой. Дельце это было проведено мастерски, однако в тот раз Родионов еле ушел от казанских сыскарей одним из подземных ходов, коими был вдоль и поперек испещрен Воскресенский холм. Можно сказать, что тогда ему крупно подфартило. Хотя везет в жизни тем, кто того заслуживает своим умением и мастерством. И еще вот разве что дуракам. Но таковым маэстро Савелий Николаевич Родионов, без сомнения, не являлся.

Третий же раз случилось ему прожить в Казани в 1913 году аж целых три месяца, покуда не окончилась в Москве кампания по очистке Первопрестольной от уголовных и беспаспортных, затеянная товарищем министра внутренних дел генерал-майором Владимиром Федоровичем Джунковским, шефом Отдельного корпуса жандармов. Когда эта кампания, как и многие другие, время от времени затевавшиеся в Российской империи, благополучно провалилась, Савелий Николаевич немедля вернулся в Москву и принялся за свое любимое занятие – потрошить несгораемые шкафы и сейфы.

* * *

«Мерседес-Бенц» проехал по мосту через речку-протоку Булак и стал натужно, увеличивая обороты, подниматься в гору на Воскресенский холм, крутой даже для пешеходов. Табун лошадей, спрятавшийся под разгоряченным капотом автомобиля, вдруг неожиданно запротестовал, и в какой-то момент Савелию Родионову показалось, что они могут скатиться вниз.

Однако обошлось.

Стало намного легче, когда въехали на Воскресенскую улицу. Дорога пошла немного под горку, и до пересечения с Черноозерской водитель «мотора» ехал на нейтральной передаче, давая восстановиться загнанным «лошадям».

Савелий узнавал и не узнавал Казань. Вроде бы тот же самый, как и пять лет назад, город все же предстал другим. Трамваи не ходили, дома, некогда светлые и ухоженные, потемнели и как-то скукожились, а на улицах, вместо дефилирующих барышень в «дипломатах» и шляпках и их кавалеров в «котелках» и костюмах английского покроя, сновали неухоженные бабы в косынках и те же вездесущие мешочники. В скверах и парках, где по вечерам играли бравурные марши полковые оркестры, теперь было пустынно, а некогда аккуратные аллеи заросли травой и густыми лопухами репейника.

Что особенно бросалось в глаза, так это огромное количество людей в военной форме. Создавалось впечатление, что Казань находится на осадном положении. И как бы в унисон мыслям Родионова Михайловский спросил:

– Вы, конечно, в курсе, что чехословаки и учредилорцы взяли Симбирск?

К предстоящей встрече Савелий Родионов подготовился основательно. Прикупив на вокзале целую стопку газет, он перечитал в поезде весь материал.

– Да, – громко ответил Родионов.

– На нас теперь идут, Александр Аркадьевич, – продолжал Михайловский. – Пусть только сунутся. Казань им все равно никогда не взять.

Немного проехав, остановились у высокого здания, похожего формой на большой корабль, – нумера «Франция», в которых раньше не брезговали останавливаться ни «их сиятельства», ни «их превосходительства».

– Приехали, – объявил громко Михайловский, выходя из машины.

Савелий и Лизавета прошли вслед за помощником губернского комиссара в большую прихожую с пальмами, зеркалами и мягкими диванами, после чего получили от вышедшего им навстречу управляющего ключи с костяным набалдашником, на торце которого золотом была выгравировано число «11».

– Это номер «люкс», – пояснил Михайловский. – Два года назад в нем останавливался великий князь Михаил Николаевич. Теперь он ваш... Ну, не буду вас задерживать, – слегка наклонил голову помощник комиссара. – Отдыхайте.

– Благодарю вас, – со сдерживаемым облегчением ответил товарищ Крутов.

* * *

Номер одиннадцатый оказался состоящим из большой передней, гостиной залы с белым роялем, столовой, просторной спальни и кабинета, в котором имелся также телефонный аппарат.

Туалетная и ванная были сплошь отделаны мраморной плиткой. Словом, жить было сносно. Правда, отсутствовала вода (городской водопровод с приходом в Казань большевиков вдруг почему-то перестал работать, впрочем, обесточили и трамвайные линии), но водой, в том числе и горячей, управляющий гостиницей обещал обеспечить по первому требованию.

– Служащих в гостинице около двадцати человек, – пояснил он, угодливо улыбаясь. – Вмиг сколь угодно воды вам наносят, только прикажите.

– Немного попозже. Если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, свежие газеты.

– Хорошо. Через две минуты вам принесут.

Как только они вошли в номер, Лиза с ногами забралась на диван и блаженно прикрыла глаза.

– Устала? – присел рядом Савелий.

– Есть немного, – ответила Елизавета.

– Ничего. Сейчас отдохнем, потом сходим куда-нибудь, пообедаем. Так?

– Je vous remercie¹, – ответила Лиза, нежно глядя в голубые и столь знакомые глаза.

– Не стоит, – сказал Савелий и взял руку Лизы в свою. – Но без меня не делай по городу и шагу. Договорились?

– Хорошо.

¹ Благодарю вас (*фр.*).

Глава 2. КОМИССАР ГОСБАНКА

Объявляется мобилизация в Красную Армию Граждан 1892 и 1893 годов рождения. Отказные протоколы не принимаются. Так же объявляется мобилизация лошадей. Нарком по военным делам Мехоношин. Губернский военком Межлаук.

Савелий отложил газету и посмотрел на часы. Пора. Он кинул взгляд на спящую Лизу, поднялся и на цыпочках вышел из номера. Биржа извозчиков была совсем рядом, у Центрального телеграфа.

– До Госбанка, – кинул Родионов вознице, садясь в расшатанную скрипучую пролетку.

– Рупь с полтиной, гражданин хороший, – сказал сквозь зубы возница, едва глянув на пассажира.

– Понял, любезнейший, – ухмыльнулся ему в спину Савелий. – Овес нынче дорог. Давай, трогай.

Ехать, собственно, было всего ничего: по Пушкинской спустились до Рыбнорядской площади, с нее повернули налево и, проехав квартал, остановились.

– Получи, братец, – рассчитался с извозчиком Родионов и стал подниматься по ступеням банковского крыльца.

Часовой-латыш придирчиво осмотрел мандат, ощупал колючим взглядом крепкую фигуру «товарища старшего инспектора Крутова» и только потом отступил в сторону, давая понять, что можно проходить.

Вестибюль банка встретил уполномоченного прохладой и новым дежурным – латышом, выписывающим пропуска посетителям. Впрочем, работы у него было немного: рядовые граждане сюда не заглядывали, а если кто и приходил из Совдепа или Комитета РСДРП (б), то таковых знали в лицо.

– Я бы хотел встретиться с управляющим банка, – произнес Савелий Родионов, забирая у дежурного мандат и пропуск. – Как к нему пройти?

– По лестнице на фторой эташ и напрафо, – коверкая и растягивая русские слова, ответил дежурный. – Комиссар тофарищ Почкоф у сепя.

Родионов поднялся по мраморным ступеням лестницы на второй этаж, повернул направо и, пройдя мимо нескольких дубовых дверей, увидел, наконец, на одной из них табличку:

Комиссар Госбанка
БОЧКОВ Б. И.

Стукнув пару раз ради приличия, Савелий толкнул тяжелую дверь и вошел в кабинет комиссара.

– Старший инспектор Наркомата финансов Крутов Александр Аркадьевич, – громко сказал он, отыскивая взглядом хозяина кабинета.

– Бочков Борис Иванович, – поднялся из-за массивного стола небольшой полный человек в кожанке и кожаном же галифе (на столе лежала еще и кожаная фуражка со звездой). – Комиссар Государственного банка, – со сдержанной гордостью добавил он.

Савелий Родионов пожал пухлую ладонь комиссара и твердо произнес:

– Я хотел бы ознакомиться с условиями хранения золотого запаса России.

* * *

Настоящее имя Бориса Ивановича было Борух Ицкович Бочкович. Он родился в одном из уездных городишек Вятской губернии и был девятым ребенком в семье.

Что такое многодетная еврейская семья? Это когда младшие донашивают одежду старших. Это когда каждое утро ты принужден совершать утреннюю молитву, произносимую

отцом, на коем одет талес со священными скрижалями Моисеевых заповедей. Это каждодневное попрошайничество и унижения, в результате которых ты должен был вернуться домой не только сытым, но и принести несколько копеек денег, а иначе будет сердиться отец и насмехаться братья, обзывая дармоедом и неумехой.

Жили бедно, однако родители Боруха умудрились дать всем своим детям начальное образование. Сам Борух пяти лет был отдан в хедер почтенного Оскара Марцела, потом поступил в начальное городское училище, после окончания которого попал в ученики к парикмахеру Хаскелю Гендлеру, который и подарил Боруху весьма непыльную профессию.

После кончины отца Борух был отправлен матерью к ее сестре в Нижний Новгород, где неожиданно для самого себя поступил в гимназию. К тому времени он свободно множил и делил в уме пятизначные числа, чем несказанно удивлял и учеников, и учителей.

Когда началась русско-германская война, Борух Бочкович, спасаясь от мобилизации на фронт, поступил на физико-математический факультет Императорского Казанского университета.

В 1915 году он познакомился с Гиршей Олькеницким, студентом-естественником, тоже отлынивающим в университете от мобилизации и входившим в Комитет студенческой социал-демократической организации.

Через год Олькеницкий вошел в состав городского комитета РСДРП (б), а в 1917-м провёл в Комитет и Бочковича.

Партийная работа требовала времени и сил. На учебу ни того, ни другого уже не оставалось. Завалив экзамены в университете, Боря Бочкович вскоре и вовсе перестал туда ходить и открыл в самом начале Большой Проломной улицы небольшую дамскую парикмахерскую, пропечатав в газете следующее объявление:

**НОВЫЙ ПАРИКМАХЕРСКИЙ САЛОН
ДЛЯ ДАМ МАСТЕРА И МОЗОЛЬНОГО
ОПЕРАТОРА Б. И. БОЧКОВА**

Новья модельныя Французския и
Итальянския прически и выведение бородавок и мозолей.

Б. Проломная, дом. Цирмахершвана.

Жил Борис Иванович в том же доме, снимая квартиру на втором этаже, выполняющую одновременно и роль конспиративного пристанища.

После октября 1917-го приятели и знакомцы Бориса Ивановича заняли все ключевые посты в городе и губернии. Не забыли они и про Бочкова, сделав его помощником комиссара Казанского отделения Государственного банка – вот и сыграли свою роль выдающиеся математические способности Бориса Ивановича.

Комиссаром банка был его друг Гирш Шмулевич Олькеницкий. Кроме того, Гирш Олькеницкий секретарствовал в Совдепе и Революционном штабе, а в конце семнадцатого года возглавил Следственную комиссию для расследования антиреволюционных действий, преобразованную вскоре в Губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председателем ЧК, конечно, стал Гирш Шмулевич. Времени на банк у Олькеницкого явно не хватало, а посему обязанности комиссара банка зачастую был вынужден брать на себя Бочков.

А потом случилось страшное, про что Борис Иванович очень не любил вспоминать. Ведь это была его инициатива отправиться всем шалманом к нему на дачу в Займище...

* * *

У исправляющего обязанности председателя Губернской ЧК Гирши Шмулевича Олькеницкого, действительно, оказалось много работы.

Буквально накануне был раскрыт заговор генерала Попова и полковника Ольгина, намеревавшихся захватить в городе власть и передать ее Учредительному собранию. Дознание было коротким, после которого начались повальные аресты офицеров. Скоро была доказана их принадлежность к заговору, и Чрезвычайной комиссии оставалось только карать, чем и занимался Олькеницкий последнее время.

В его личный кабинет председателя Губернской Чрезвычайной комиссии, занимавшей особняк на Гоголевской улице, то и дело заходили люди в кожанках с «расстрельными» бумагами, которые Олькеницкий подписывал, не особо вдаваясь в содержание. Параллельно с комиссарами в его кабинет была другая очередь, преимущественно из женщин в траурных одеяниях, которые приходили за ордерами на получение трупов тех, кто еще несколько дней назад были им отцами, мужьями, братьями и сыновьями.

Слез не было; всякие проявления жалости по убитым контрреволюционерам расценивались как протест, за который можно было лишиться ордера или даже загреметь в тюрьму, что находилась в подвалах особняка, – такие случаи уже бывали.

Почерневшие от горя женщины, с сухими глазами, заходили в кабинет, выслушивали строгие наставления Гирши Олькеницкого относительно запрета на отпевание покойников и похоронные процессии, получали ордер и уходили, не слыша его фраз, бросаемых им вслед:

– И чтобы никаких похоронных процессий. Иначе все участники будут привлечены к ответственности, и к ним применим меры, соответствующие законам революционного времени.

Получив то, что осталось от любимых ими людей, женщины, конечно же, приглашали священников и провожали покойных в последний путь должным человеческим обрядом. Были и процессии, только люди вместо того, чтобы идти за гробом, шли тайком сбоку или параллельно ему по тротуарам улиц.

Офицеров, уличенных в заговоре, каждый день отправляли на двух грузовиках под село Царицыно, где их загоняли в овраг и расстреливали из немецких пулеметов. Немало положили их и в Троицком лесу, и еще долго, проезжая по этой роще, лошади, учуяв запах разложившейся плоти и, видно, еще нечто такое, что не поддается человеческому сознанию, в животном страхе шарахались в сторону и дико ржали, тараша безумные глаза.

Но арестованные продолжали прибывать, и подвалы домов купчихи Подуруевой на Лобачевке и домовладельца Набокова на Гоголевской были по-прежнему забиты людьми так, что в них можно было только стоять или сидеть, но уж никак не передвигаться.

Заполнив доверху овраг под Царицыном и сделав непроходимым от трупного запаха Троицкий лес, арестованных стали возить на расстрел к новой железнодорожной насыпи недалеко от Архангельского кладбища, благо трупы здесь легко можно было присыпать гравием и песком. Практиковались расстрелы прямо у здания Губернской ЧК, на его задах близ кирпичной стены, отделяющей Набоковскую усадьбу от Лядского сада, в бывших винных подвалах или сарайчике в углу двора. В такие часы Олькеницкий уходил либо в Совет, либо в городской комитет партии на улице Маркса – выстрелы его сильно раздражали и вызывали мигрень. Кроме того, им и его правой рукой Вероникой Брауде были негласно разрешены расстрелы на месте, если при обысках домов и усадеб находилось оружие. Особенно неистовствовала девятнадцатилетняя бывшая работница фабрики «Поляр», которую в городе все звали Красной Комиссаршей и именем которой еще долго пугали малых детей, когда те чересчур шалили или отказывались укладываться спать. В таких случаях стоило лишь сказать, насупив брови:

– Вот отдам тебя Красной Комиссарше, коли слушаться не будешь, узнаешь тогда, почему фунт лиха, – и дети мгновенно переставали шалить, залпом, не морщась, выпивали рыбий жир или теплое молоко с противной пенкой, закрывали в своих постельках глаза и вообще становились шелковыми.

О ее жестокостях в городе ходили легенды. Стреляла она из маузеров с двух рук и, как сказывали сведущие, самолично расстреляла в винных погребах Набоковского особняка около двух десятков бывших офицеров.

Однажды, когда опять шли расстрелы в винных подвалах и конюшне, Гирш Шмулевич направился в Совдеп, где на входе нос к носу столкнулся с предсовнаркома Яковом Шейнкманом.

– Слушай, Гирша, – сказал Олькеницкому Яков Семенович. – Мне сейчас некогда, – указал он на урчавшее у входа авто. – Поэтому это будет не просьба, а приказ: завтра мы с тобой едем на дачу к Бочкову – он приглашает – и воскресенье проведем на природе в спокойной обстановке. Отдохнем, подышим свежим воздухом. Кроме того, и моя дражайшая супруга Софья Альфредовна убедительно просила тебя быть. Все. Встретимся завтра в два часа.

Предсовнаркома республики товарищ Шейнкман сбежал по ступенькам и плюхнулся на заднее сиденье. Вместе с ним сел рыжий детина, зорко посматривающий по сторонам, – после покушения на него четвертого марта 1918 года Яков Семенович никогда не оставался в одиночестве.

Олькеницкий проводил взглядом автомобиль, подумал немного и повернул к горькому партии.

* * *

На даче у Бочкова все собрались около семи вечера.

– Ну что, товарищи, чайку?

– Можно, – отозвался Шейнкман.

– А у меня все готово, – сказал Борис Иванович, приглашая за стол. – И наливочка припасена...

– Только давайте о делах более ни слова, – властно произнесла Софья Альфредовна, шумно отодвигая стул и усаживаясь за стол. – Отдыхать, значит, отдыхать!

Бочков, наливая чай, поглядывал то на Шейнкмана, то на Олькеницкого. Они были чем-то неуловимо похожи, когда Олькеницкий снимал пенсне. Тогда оба напоминали великовозрастных школяров, спасающихся на студенческой скамье от мобилизации на фронт. Собственно, так оно и было.

Гирше было почти двадцать пять, и отсрочку от мобилизации он получил вначале в Бехтеревском институте в Петербурге, а от фронта отлынивал уже в Казани, пребывая в университете. Соратник же Якова Михайловича Свердлова по партийной работе на Урале Яков Шейнкман был на три года старше, от мобилизации спасался в Петроградском университете, а от призыва на фронт – в Казани, числясь студентом Императорского, а затем просто Казанского университета. Он нигде и никогда ни дня не работал и сделал себе партийную карьеру пламенными революционными речами, имея на руках мандат «ответственного оратора». А когда надобность в университете отпала, оба покинули его, целиком отдавшись революционной борьбе, расшатывая каждый по мере своих возможностей устои империи.

После чая и наливки, которая особенно понравилась Софье Альфредовне, все отправились гулять на луга, а потом, по предложению Шейнкмана, решили прокатиться на лодке по Волге до Пустых Моркваш, где надеялись встретить товарищей по партийной работе Зубакова и Назарова.

Но в Морквашах таковых не оказалось, и часов в одиннадцать вечера поехали обратно.

– Какая светлая ночь! – восхищалась Софья Альфредовна. – Яков Семенович, обрати внимание, какая ясная и светлая ночь! В такие ночи в голову приходят романтические мысли...

Причалив к берегу, пошли через луга на Займище. К мосту через речушку спускались гуськом; Бочков, лучше других знавший эту местность, шел впереди, выбирая дорогу почище, и оторвался от остальных.

Около моста перед ним как из-под земли выросли пять фигур.

– Стоять, паскуда, – тихо сказала одна из них в матросском тельнике и бушлате, направив в живот Борису Ивановичу дуло маузера.

У Бочкова аккуратно в том месте, куда был направлен маузер, образовалась вдруг холодная пустота, и сильно захотелось сходить по обоим нуждам, особенно по большой.

– А ты что это, комиссар, так побелел-то? Неужто испугался? – насмешливо спросил матросик. – Братва, – обернулся он к остальным, – вы видели когда-нибудь дрожащего от испуга комиссара?

– Ты уж, Костик, не пужай его так-то, – делано-участливо произнес другой из зловещей пятерки. – А то еще, не ровен час, обсерется.

После этих слов у Бочкова внизу лопнуло, и по внутренней стороне ляжки потекло густое и теплое.

– Фу-у, – брезгливо протянул матросик. – А он и впрямь обосрался... Говори, куда девали миллион червонцев?

– К-как-кой мил-лион? – едва сумел разлепить губы Борис Иванович.

– Такой, какой вы у трудового народу сперли, – зло отрезал матросик. – Говори, не то щас стрельну.

К густому и теплomu, продолжавшему вытекать из Бочкова, по ляжке потекло еще жидкое и горячее.

– Ну! – прикрикнул на него матросик.

– Это к-какое-то нед-доразум-мение, т-т-товарищи, – выдавил из себя Борис Иванович еле слышно.

– Чево?

– Эт-то ош-шибка, – булькнул горлом Бочков и полностью довыпростал мочевого пузыря.

– Ты Шейнкман? – спросил матросик, поигрывая маузером перед самым носом комиссара банка.

– Н-нет. Я не Ш-шейнкман. То есть не Ш-шейнкман я...

– А кто ты?

– Б-бочков.

– А где Шейнкман?

– Сзади идет, – с готовностью ответил Борис Иванович и оглянулся.

Скоро подошли Шейнкман, Олькеницкий и Софья Альфредовна.

– В чем дело? – глядя на Бочкова, спросил Олькеницкий.

– А ни в чем, – нагло ответил матросик и скомандовал: – Руки в гору.

Олькеницкий и Шейнкман увидели направленные на них стволы револьверов. В руке одного из налетчиков, стоявших немного поодаль, матовым металлическим блеском предупредительно блеснула продолговатая бомба.

– Ну, комиссары, сюды свое оружие. Жива!

Олькеницкий и Шейнкман послушно отдали свои револьверы.

– Кто Шейнкман? – спросил матросик.

Все молчали.

– Ну? Кто из вас Шейнкман? – повторил налетчик.

– Я, – сорвавшимся голосом ответил Яков Семенович.

– Вот мандат на обыск, – сунул ему под нос исполкомовскую бумагу матросик. – Вы подозреваетесь в присвоении крупных денежных сумм при разгроме Советской Рабоче-Крестьянской Забулачной республики.

– Но Якова Семеновича в то время не было в Казани! – вступилась за мужа Софья Альфредовна. – Он был в Москве, все это могут подтвердить! Спросите хоть у товарища Ленина!

– Верно, – подал голос Олькеницкий. – Яков Семенович в то время был в Москве. Это могут подтвердить товарищи Ленин и Свердлов.

Бочков промолчал.

– Что скажешь, Лось? – спросил один из налетчиков во френче.

– Разберемся, – произнес матросик, верно, пребывавший в этой пятерке за главного и носивший кличку Лось. – А вас, – обернулся он к Софье Шейнкман, – во избежание неприятностей прошу помолчать. То бишь крепко заткнуться.

Окружив «арестованных» и, уже не разбирая дороги, их повели в Займище.

Двое из нападавших были одеты матросами, двое – в галифе и френчах, а пятый, в косо-воротке и картузе деревенского образца, смахивал на приказчика. Он все время молчал и поигрывал бомбой.

– Вы бы поосторожней с бомбой, товарищ, – как можно мягче произнес Шейнкман, опасливо косясь на зловещий снаряд.

– Чо? – недобро произнес одетый приказчиком, сверля взглядом предсовнаркома. – Не гавкай, гнида.

– Значица так, граждане арестованные, – объявил матросик, когда все пришли на дачу Бочкова. – Вести себя скромно и тихо. А вас, – он обратился к Якову Семеновичу, – убедительно прошу добровольно выдать незаконно присвоенные вами забулачные миллионы.

Бочков, немного оправившийся от испуга, смотрел на побелевшее лицо всемогущего предсовнаркома республики и главы казанских большевиков, пламенного оратора и непримиримого революционера, нутро которого дрожало от страха, как и у всех простых смертных. Да нет, скорее больше, чем у простых смертных. Ведь ему было что терять в отличие от тех, с коими приходилось встречаться на своем тернистом жизненном пути. Молчал и Олькеницкий, скованный страшным предчувствием скорой смерти.

– Ну что, будем помогать следствию? – спросил матросик, уставившись взглядом в лоб Шейнкману.

– Но у меня нет никаких забулачных денег, – пролепетал Яков Семенович. – Я тогда был в Москве. Это могут засвидетельствовать товарищ Ленин и другие. Можно послать запрос...

– Что за чушь вы городите, – поморщился налетчик. – Детский лепет какой-то. Отдавай, гад, золото.

– Боже мой, – замельтешил-заволновался Шейнкман. – Ну почему вы мне не верите? Вот вы, товарищ, – обратился он к налетчику, также одетому матросом. – Вы ведь за Советскую власть?

– Все матросы за Советскую власть, – ответил гордо налетчик и добавил: – Отдавай, сучара, забулачные миллионы.

Шейнкман всхлипнул, всплеснул руками и замолчал. Рядом, выпучив в удивлении и без того рыбы, навывкате глаза, громко сопела верная соратница и супруга предсовнаркома Софья Альфредовна.

– А у вас есть мандат? – вдруг резким голосом спросил Олькеницкий.

– А то как же, – весело ответил матросик и протянул Гирше Шмулевичу бумагу в одну четверть листа. Сверху на листе было написано:

Удостоверение

– Странно, – сказал Олькеницкий, возвращая мандат. – Подписано Абдеевым и Магницким. – А я вас не знаю, и никогда не видел.

– Зато *вы* нам хорошо известны, товарищ главный чекист, – сказал одетый приказчиком.

* * *

Обыск на даче Бочкова ничего не дал.

– Ну что же, пошли, – сказал Лось, и дачников повели назад на Морквашенскую дорогу.

Дойдя до места, где дорога с обеих сторон поросла молодым дубняком, остановились.

– Ты, дамочка, поди сюда, – промолвил Лось, обращаясь к Софье Альфредовне.

Та подошла.

– Свободна. Можешь отчаливать.

– Я никуда не пойду без моего мужа, – гордо вскинула голову верная соратница и супруга. – Отпустили меня, отпускайте и его!

– Хорошо, – легко согласился матросик. – Забирай своего хахалю и ступайте отседова на хрен.

Софья Альфредовна быстро сморгнула и, схватив мужа за рукав, потащила прочь. Шейнкман обернулся к оставшимся, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и побрел к деревне.

– А мы?! – вскричал Борис Иванович. – Его отпустили, а мы что же? И нас давайте отпускайте!

– Иди, – спокойно сказал матросик.

– Что? – не понял Бочков.

– Катись. – Лось ухмыльнулся и вперил колючий взгляд в Олькеницкого. – А вот товарищ самый главный чекист куда останется...

– Спасибо, – пробормотал Борис Иванович, медленно пятясь назад. Затем он повернулся, прошел несколько шагов и припустил так, что не слышал даже выстрелов, которыми убивали его соратника и друга.

* * *

В ночь на 23 июня 1918 года от рук неизвестных убийц пал тов. Г. ОЛЬКЕНИЦКИЙ, член Казанского Комитета Российской Коммунистической партии.

Все свалили на белогвардейский заговор с целью отомстить председателю Губернской Чрезвычайной комиссии за расстрелы офицеров. К такому выводу пришла следственная комиссия под председательством товарища Якова Шейнкмана.

Гиршу Олькеницкого похоронили в саду напротив бывшего губернаторского дворца, где в 1917 году находился городской комитет партии.

Были броневики со знаменами, много цветов и длинные пламенные речи.

Гневную и чрезвычайно негодующую тираду произнес председатель Совета Народных комиссаров Яков Семенович Шейнкман.

– Предательски подлыми выстрелами из-под угла, – сказал он, – враги трудящихся стремятся расстроить стойкие ряды рабочего класса. От их рук в дачной местности близ станции Займище погиб наш друг и товарищ Гриша Олькеницкий. Белым террором контрреволюция намеревается свалить Советы народных депутатов. На дерзкий вызов врагов народа пролетариат и трудовое крестьянство ответит своим, красным террором.

Несколько слов про мускулистую руку пролетариата и возгорающийся костер неистовых классовых битв сказал и Борис Иванович Бочков.

А через день он был назначен комиссаром Казанского отделения Государственного банка.

* * *

Здание банка было не достроено. Согласно проекту, помимо левого крыла и центрального входа, зданию полагалось еще и правое крыло, возведению которого помешал Гаврила Принцип, порешивший 28 июня 1914 года наследника Австро-Венгерского престола принца Франца Фердинанда. Здание Казанского отделения Государственного банка Российской империи было двухэтажным и имело еще цокольный этаж, где и хранилось золото теперь уже бывшей империи.

– Вот видите эти железные двери? – указал пухлой ручонкой скорее на ворота, нежели на двери хранилища, Борис Иванович, когда они с Родионовым спустились в святая святых банка. – За ними и хранится золото.

– И сколько его там? – неожиданно охриплым голосом спросил Савелий Николаевич.

– Шестьсот пятьдесят семь миллионов рублей золотом, – не без гордости ответил Борис Иванович. – По нынешнему курсу, – Бочков немного подумал, верно, производя в уме математические операции, – шесть с половиной миллиардов рублей. И еще сто одиннадцать миллионов рублей кредитными билетами. Желаете взглянуть?

– Да, – просто ответил «старший инспектор».

Бочков кивнул сопровождающему их незаметному старичку, и тот, недоверчиво поглядывая на Родионова («Коли б не приказ, ни за что бы не отпер хранилище стороннему человеку, пусть даже и из самой Москвы»), стал колдовать над железной дверью. Вначале он в определенном порядке нажал на несколько кнопок с цифрами, заслонив сию операцию своей согбенной спиной, так что Савелию запомнить эти цифры никак не представилось возможным.

– У нас самой новейшей системы цифровой кодовый замок, – не без гордости заметил Бочков, бросив косой взгляд на Родионова. – Набор цифр знаем лишь я да вот – Густав Густавович, – кивнул головой Борис Иванович в сторону старика.

– Замечательно, – ответил Савелий, принудив себя улыбнуться и придать голосу нотки служебного удовлетворения. – Подобные предосторожности в деле хранения материальных ценностей совершенно нелишни.

– О да, конечно, – заметил ему на это Бочков. – Вне всякого сомнения.

Затем хранитель снял с пояса связку ключей и стал попеременно вставлять их в незаметные на первый взгляд отверстия в двери, поворачивая их всякий раз в определенном порядке. Продолжалось сие действие не менее четверти часа, после чего за дверью-воротами что-то металлически клацнуло, и старик, потянув за ручку, легко открыл ее.

– Прошу вас, – произнес Борис Иванович, пропуская Родионова вперед.

Савелий Николаевич вслед за стариком вошел в небольшую слабо освещенную и внешне неприглядную комнатку. Ни оконца, ни вытяжки или отдушины в комнате не было; бетонный пол, бетонный потолок, три бетонные стены без единого отверстия и железная дверь невероятной толщины со множеством, очевидно, самых хитрых замков.

«Дела-а, – подумал Савелий, осматривая комнатку, в которой, кроме стола со стулом, больше ничего не имелось. – И сюда-то, в эту комнату, попасть крайне затруднительно, но она, похоже, только предбанник, передняя перед основным хранилищем».

Савелий Родионов не ошибся.

Старик-хранитель, опять-таки загораживая спиной свои действия, открыл в нише одной из стен металлическую дверцу с еще одним кодовым цифровым замком. Савелий сделал шаг в сторону и непринужденно спросил:

– А не предпринимались ли попытки со стороны уголовных элементов проникнуть в банк и поживиться золотом?

Он уставился в лоб Бочкова, продолжая между тем следить боковым зрением за руками старика.

«Восемь», – отметил про себя вор первую цифру, которую нажал хранитель.

– Нет, что вы, – произнес Борис Иванович и широко улыбнулся. – Проникнуть в банк практически...

«Шестнадцать», – отметил Савелий две следующие цифры кодового замка.

– ...невозможно. Даже если это будет целая банда...

«Двадцать четыре», – продолжал запоминать цифры Родионов.

– ...то охрана банка справится с ней в два счета.

Последней цифрой была тройка.

– Замечательно, – произнес Родионов-Крутов и широко улыбнулся. – Ваш банк, несомненно, абсолютно защищен от всяких посягательств извне.

А затем произошло чудо: противоположная от входа бетонная стена бесшумно отъехала в сторону, обнажив полукруглую комнату опять же без единого намека на какое-либо оконце или отдушину. Настоящий бетонный бункер!

– А вот и наше хранилище! – не без гордости воскликнул Борис Иванович и первым вошел в полукруглую комнату. – Как видите, блиндированное.

– Ви-ижу, – протянул Савелий Николаевич, трогая рукой шершавые бетонные стены. – Настоящий блиндаж.

– Именно. Именно! – мельтешил Бочков, сам возбужденный открывшимся зрелищем и то и дело потирающий руки. Видно, даже ему был ограничен доступ в хранилище, коли теперешнее посещение святая святых банка привело его в такой нервический раж. – В Нижнем ничего подобного нет даже близко! – заметил он не без гордости. – Так что я понимаю, почему руководство выбрало именно наш банк.

Действительно, вошедшим было на что посмотреть.

Ящики. Сотни стандартных ящиков с клеймом государственного казначейства Российской империи, в каждом из которых лежали золотые слитки. Но вовсе не ящики притягивали взоры вошедших. Немалая часть золотых слитков – неброских для глаза желто-красных брусков, сложенных штабелями наподобие поленницы дров, – стояла выше человеческого роста в самом центре комнаты, и на каждом из слитков были выдавлены двуглавый орел и казначейское клеймо.

– Пятьсот тонн без малого, – патетически произнес Бочков, продолжая беспрестанно потирать свои пухлые ладошки. – В слитках, полосах и монетах российского и иностранного производств.

Золотые полосы Савелий видел: они лежали горкой возле самого входа и для выноса были самыми удобными.

– А вот где монеты?

– В мешках, – просто ответил Борис Иванович. – В обыкновенных опечатанных холщовых мешках. Да вон они.

Родионов посмотрел в сторону, куда указывал Бочков. Действительно, в углу полукруглой комнаты стояли в два ряда холщовые мешки, на первый взгляд неподъемные, но тоже весьма удобная для реализации добыча.

– А что вы там говорили про Нижний? – спросил Савелий, теперь уже ставший старшим инспектором Наркомата финансов Александром Аркадьевичем Крутовым.

– Я говорил, что в Нижнем Новгороде нет ничего подобного. А ведь там хранится вторая, правда, меньшая половина золота бывшей империи, – услужливо повторил Бочков.

– Вот как? Тогда я буду вынужден доложить наркому об этом и подчеркнуть, что у вас, в отличие от Нижнего Новгорода, полный порядок в вопросе хранения и сбережения золота. Правда, я буду вынужден еще разик-другой посетить вас, дабы ознакомиться с некоторыми

детальными условиями хранения золотого запаса республики и финансовой отчетностью, но это уже не изменит моего позитивного видения состояния дел в вашем банке. К тому же, – Крутов выразительно посмотрел в глаза Бориса Ивановича, – я намерен также доложить в наркомат о руководстве банка, которое, на мой взгляд, занимает *свое* место и к возложенным на него обязанностям относится весьма добросовестно и честно.

– Благодарю вас, – расплылся в довольной улыбке Бочков и предложил: – Не желаете ли отобедать? В «Славянском базаре» до сих пор вполне прилично кормят.

Он выжидающе посмотрел на фининспектора. Тот молчал и думал, кажется, о чем-то своем.

– Так как, товарищ старший инспектор?

– Что? – оторвался наконец от своих мыслей Савелий Николаевич.

– Я говорю, не желаете ли отобедать? – повторил свой вопрос Борис Иванович.

На что Родионов-Крутов ответил вежливым отказом.

Глава 3. ПЯТЬСОТ ТОНН ЗОЛОТА

Золото в Казань стали свозить еще в самом начале русско-германской, или, как ее стали с недавних пор называть газетчики, Мировой войны. В ее начале, принужденная отступить, русская армия была вынуждена оставить некоторые западные губернии России, после чего возникла угроза захвата немцами Петрограда. Тогда-то и встал вопрос о сохранности государственного золотого запаса, находившегося в кладовых нескольких контор Государственного банка столицы. Государственным Советом и с разрешения самого государя императора Николая Александровича было принято решение эвакуировать золотой запас империи в далекие от фронта тыловые города, которым не грозило германское вторжение даже при сдаче немцам стольного Петрограда.

Первая партия имперской казны прибыла в Казань и Нижний Новгород еще зимой девятьсот пятнадцатого года. Ближе к лету второго года Мировой войны в Казань четырьмя эшелонами прибыла еще одна партия золота в слитках весом 260 тонн. А после Красного Октября уже только в Казань стало свозиться золото из Государственных отделений российского банка городов Курска, Могилева, Пензы, Воронежа, Самары и иных губернских центров. К началу августа в Казанском отделении Государственного банка Республики Советов скопилось уже около 497 тонн золота в слитках, полосах, золотых монетах, самородках и технических изделиях, конфискованных в пользу государства у еще остающихся частными предприятий и исследовательских институтов. И оно все еще продолжало поступать из городов и весей, захваченных белыми или частями мятежного чехословацкого корпуса. И если Москва и Петроград были сердцем и телом молодой Совдепии, то Казань с ее золотом, – несомненно, кровеносной системой, без которой не стучит сердце и не живет тело.

Впрочем, Лизавете, заскучавшей без Савелия и вышедшей в город, как она сама для себя определила, «осмотреться», не было никакого дела ни до штабеля желто-красных брусков с клеймом Государственного казначейства Российской империи, ни до комиссара Бочкова, о котором она слышать не слыхивала, ни даже до самой Совдепии, в которой она была вынуждена теперь проживать без особого, признаться, удовольствия. Она была настоящей женой своего мужа, не задающей лишних вопросов, раз и навсегда принявшей его сторону, а иногда и помогающей в его противозаконных и рискованных деяниях. Она, конечно, понимала, что подобного рода занятия опасны и преследуются как общественной моралью, так и законом; не единожды она хотела отвлечь Савелия от его воровских предприятий, даже уходила от него, однако всегда возвращалась. Савелий Родионов буквально магнетически притягивал ее своей неординарностью, умом, силой, криминальным талантом и состоянием победителя, которое никогда не покидало его, даже в самые трудные минуты. Ведь стоило только задуматься, что можно проиграть, и ты проиграл! Савелий же почти никогда не проигрывал. Все его аферы, порой невыполнимые с точки зрения трезвого рассудка, оканчивались непременно удачей, а везение, как известно, ходит только рядом с настоящим мастером.

Или дураком.

А дураком Савелий Николаевич Родионов никогда не был. Но главное, и Лизавета не единожды имела возможность убедиться в этом, он любит ее по-настоящему и никогда не предаст. А стало быть, и она его тоже.

Правда, один раз все же состоялся с Савелием крепкий откровенный разговор. Это случилось, когда они были еще не обвенчаны.

Истомленные любовью, некоторое время они лежали молча, думая о своем. Как это часто бывает, слова в эти минуты были лишними. Неожиданно Елизавета произнесла, заглядывая Савелию в глаза:

– Я ведь уже не девочка, Савелий. Я знаю, что ты любишь меня, но мне, как любой бабе, нужна определенность. Кто я тебе: подруга, любовница, жена?

– И то, и другое, и третье, – ответил Савелий, полагая, что у Лизаветы случился очередной бабий каприз. – Разве нам с тобой плохо?

– Нам хорошо. Но я устала от неопределенности. От ожидания твоего ареста. И от этой твоей проклятой «работы», – горько выдохнула она. – Я боюсь, что когда-нибудь тебя все же поймают, и мне придется носить тебе передачи и плакать по ночам в холодной постели...

– Эта, как ты называешь, *моя проклятая работа* дает нам средства к существованию. Весьма не бедного, надо сказать, – заметил ей уже начавший не на шутку обижаться Савелий.

– Вот именно. Деньги у нас есть, есть золото, драгоценности, жемчуг. Почему бы тебе не остановиться на этом? Ты богат, ты победил. Ты победил их всех, с их полицейскими департаментами, управами, прокурорами, сыщиками и соглядатаями. Мало тебе этого?

Поднявшись, она нагишом прошла к столу, вытащила из пачки сигарету и нервно закурила:

– Почему? Что тебе еще надо?

– Ты много куришь, мне это не нравится, – сдержанно заметил Савелий. – И тебе это не идет.

Елизавета нервно потушила папиросу и продолжила все тем же взволнованным голосом:

– Мы можем купить где угодно дом, усадьбу, имение и просто жить, красиво и беззаботно. А хочешь, давай вернемся в Париж. Кажется, тебе понравился этот городишко.

Она замолчала и выжидающе посмотрела на него.

– Иди ко мне, в комнате прохладно, я боюсь, что ты простудишься, – попытался отшутиться Савелий.

– Ты опять за свое, а ведь я говорю серьезно, – юркнула Елизавета под одеяло.

– А с кем ты собираешься жить? – неожиданно спросил Савелий, неотрывно глядя ей в глаза.

– Ты до сих пор этого не понял? С тобой, с кем же еще, – фыркнула она. – Я уже не смогу без тебя.

– Вот он я, лежу рядом с тобой, – спокойно проговорил Савелий. В его голосе проявились жесткие интонации. – А в той уютной и спокойной усадьбе я буду уже *не я*, а кто-то другой, совсем не тот, которого ты когда-то полюбила и, надеюсь, любишь до сих пор.

– Савелий...

Он вздохнул и произнес уже мягче:

– Не будем об этом. Мне нужны в жизни риск, азарт, ощущение опасности; мне нужно всякий раз подтверждение того, что я – лучший в своем деле.

– Король, – с иронией заметила она.

Савелий воспринял ее слова всерьез:

– Да, если хочешь.

Он нежно посмотрел на Лизу и погладил ее по щеке ладонью.

– А без этого дела я просто зачахну.

– Да ты даже не пробовал, – отняла его руку от себя Лизавета.

– А мне незачем пробовать, – пожал плечом Савелий, – я просто знаю это.

– Кажется, у нас с тобой ничего не получится.

Поднявшись, Елизавета оделась и, не прощаясь, ушла.

А через два месяца он увидел ее в Париже, в небольшом ресторанчике на берегу Сены.

Она была с каким-то долговязым брюнетом в фиолетовом жакете, но все же подошла к столику Савелия.

– Здравствуй, – глаза Елизаветы были печальны.

– Здравствуй. Никогда не думал, что ты любишь Европу, – буркнул он, стараясь не глядеть на нее, потому что было больно там, внутри, где находилось сердце.

– Я тоже не рассчитывала тебя здесь увидеть.

Они немного поговорили, в основном о пустяках, вспоминая общих знакомых, после чего Елизавета вернулась к своему спутнику. Помнится, она так хотела, чтобы Савелий позвал ее. Если бы окликнул, хотя бы признался в том, что скучает, она, не раздумывая, бросилась бы к нему в объятия и пошла бы с ним куда угодно. Но Савелий молчал и сосредоточенно смотрел куда-то вверх прогуливающих по набережной пар.

Второй раз они встретились в поезде Москва – Санкт-Петербург. Она случайно увидела Савелия на Александровском вокзале и с удивлением обнаружила, что они едут в одном поезде. Половину дороги Елизавета старалась не думать о прежнем возлюбленном, а когда поняла, что чувства в этой борьбе одержали победу над разумом, направилась в его вагон. Некоторое время Лиза стояла возле дверей его купе и наконец, набравшись решимости, постучала.

– Открыто! – послышался бодрый голос Савелия из-за двери.

Лиза вошла. Робко, как та девочка-институтка, каковой она была, когда они впервые встретились. Вернее, когда Савелий подошел к ней, так по-детски непосредственно жующей свежую булку недалеко от Старого Гостиного двора...

– Здравствуй, – сказала она так, будто они расстались всего несколько часов назад.

– Здравствуй, – ответил Савелий, тоже, как могло показаться, ничуть не удивившийся ее появлению.

– К тебе можно?

– Проходи, – разрешил Савелий неожиданно сорвавшимся голосом.

Лиза вошла и... осталась. Кажется, навсегда. Да нет, точно навсегда.

А подобных разговоров она больше никогда не заводила...

Город же и правда сильно изменился. Дома будто высохли, скукожились и, потеряв свой первоначальный лоск, почернели. Теперь они напоминали древних старушенций, обряженных в поношенные и давно вышедшие из моды допотопные капоты, а тротуары, и точно, стали грязнее, с кучами мусора вдоль фасадов зданий, отчего выглядели теперь намного уже.

Знаменитое скандально-шантанное место – Панаевский сад поблек, а на облупившейся афишной тумбе, пестревшей некогда множеством анонсов и рекламных проспектов, был криво приклеен один-единственный лист в четвертушку с напечатанным на нем на машинке текстом: «Каждый вечер в парке играет большой симфонический оркестр под управлением Эм Меттера».

Зато фонарные столбы вдоль улиц пестрели объявлениями. Зубной врач Е. Л. Бройде удалял зубы без боли, ставил же зубы на штифтах доктор С. М. Гербер, а некто Е. М. Мовшович предлагал «всем заинтересованным в хорошем роте товарищам ответственным работникам» искусственные зубы на золоте и каучуке, как съёмные, так и «невнимающиеся». «Своего производства Чулки и Носки и материал для них» советовал приобрести В. А. Брайловский в «кооперации на прежнем месте», а мадам Амалия Фридеман уже женам ответственных советских работников бралась вырастить волосы, удалить лысины, устранить морщины и развить бюсты. «Художественный фотограф» И. М. Якобсон принимал заказы на увеличение портретов «в лучшем исполнении». В несколько недель разводила семейные пары «любого срока сожительства» Е. Зудович. И едва ли не на каждом шагу знающие ребята Ф. Пер и З. Беллави оповещали «граждан и товарищей», что производят один в Пассаже, другой на Лобачевке «близ здания арестного дома Губчека» вливания «606» и «914» сифилитикам, половым бездельцам и иным нервным лицам обоего пола.

И все же город стремился жить прежней жизнью. Городской театр, судя по афишам, ожидал приезда опереточной труппы из Санкт-Петербурга, чтобы поставить пикантного «Пупсика», ибо на Чехова или Горького театр не собрал бы сегодня и половину зала, а бывший цирк

братьев Никитиных готовился к проведению мирового чемпионата греко-римской борьбы с участием чемпиона мира и России «Русского Льва» Ивана Заикина.

Лизавета дошла до Державинского садика. Раньше здесь сидели на складных стульчиках молодые художницы, писавшие акварелью виды; молодые няни выгуливали барских чад в разноцветных колясках, а возле работающего фонтана влюбленные парочки назначали час свиданий.

Теперь же по саду прогуливались пьяные матросы со своими марухами, под ногами хрустела семечная шелуха, никаких художниц не было и в помине (разбежались с первыми же революционными выстрелами), а влюбленные не назначали свиданий у фонтана, так как он уже давно не работал, а две статуи, так его украшавшие, отвернули водопроводчики для каких-то городских нужд.

Но более всего поразило Лизавету обилие в городе солдат. Они присутствовали всюду: в парках, скверах, на площадях, толпились у государственных учреждений, отчего казалось, что даже сами улицы посерели от их грязных хлопчатобумажных гимнастеров. Казалось, Казань находится либо в осадном положении, либо всех жителей города в связи с последними веяниями в моде переодели в военную форму.

Действительность была иной – Казань временно исполняла обязанности военного сборного пункта.

На Театральной площади меж Городского театра и Державинского сада была когда-то большая извозчичья биржа. Елизавета перешла улицу и стала ждать извозчика. Она довольно находилась по городским улицам, прилично устала и теперь кляла себя за то, что надела шляпку и взяла ридикюль. Ну, ридикюль ладно, не в счет: там лежал некий симпатичный металлический предмет с барабаном на шесть пуль, коротким стволом и устрашающим названием «Бульдог». И одета Елизавета Петровна была неброско: серенький триковый дипломат, немного ношенные полуботики. Но вот шляпка... В шляпках, как выяснилось, теперь в Казани никто не ходил. Женщины, пожилые и молодые, все были либо в платках, либо в косынках. Какой-то разбитной пацанчик залиvisto свистнул и улюлюкнул ей вслед:

Эй, дамочка, куда торопишься?
В Губчека по падешь – не воротишься ...

Дважды ее проводили недобрый взглядом наряды судебно-уголовной милиции, а один раз она услышала за спиной откровенно злой говорок:

– Ишь, вышагивает, словно институтка. Не всех еще, видно, буржуев мы к стенке поставили.

Никаких извозчиков не было и в помине. Трамваи тоже не ходили. И Елизавета Петровна, обреченно вздохнув, потопала до номеров «Франция» пешком через Черное озеро. Когда она уже почти поднялась на Воскресенский холм, где находилась гостиница, мимо нее пробежал человек с искаженным от боли лицом, придерживая плетью висевшую руку. Проводив его взглядом, она стала переходить проулок, и тут на нее налетело дико мчащееся авто с открытым верхом. Правда, водитель его чудом успел в последний момент сманеврировать и вывернуть руль, но все же правым крылом автомобиль задел Лизавету, и ее, ударив в бок, отбросило обратно на тротуар. Все произошло так быстро, что она не смогла ничего понять, однако успела увидеть тревожно-удивленный взгляд плешивого пассажира бешеного автомобиля. А затем раздалось два выстрела...

Глава 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

– Что топтуна заслали, это хорошо. Пусть смотрит в оба. «Сибирские нумера» обложить так, чтобы мышь не проскочила. Брать надо Жоха, непременно брать. Погоди, сейчас сам буду.

Начальник Казанской судебно-уголовной милиции Николай Иванович Савинский небрежно бросил трубку. Был он плешив, сухощав, носил аккуратно стриженные усики и бородку клинышком, отчего крепко походил на знаменитого казанского полицмейстера Васильева образца 1909 года. Сие сходство было единственным явлением, роднящим Николая Ивановича с покойным титулярным советником. Его судьба вообще была очень необычной. Слепая планида выделявала с ним такие кунштюки и коленца, которые вряд ли случались в жизни еще кого-либо.

Ну, кто бы еще мог похвастать, что стал простым уездным учителем, являясь при этом богатым и успешным потомком родовитого польского шляхтича, в жилах которого текла кровь польских и французских королей?

Кто бы мог еще иметь в своей биографии столь неожиданную метаморфозу, как переквалификация скромного уездного учителя в полицейского надзирателя шестой (причем самой неблагополучной) части города Казани, в коем вдруг открылся явный талант по стезе сысского дела?

Это коллежский асессор полицейский надзиратель Савинский без единого выстрела взял в девятьсот четвертом году на «малине» крайне опасного вора-рецидивиста и громилу Коську Барабаша, наводившего ужас на Адмиралтейскую и Ягодную слободы.

Это губернский секретарь пристав Савинский накрыл в девятьсот седьмом секретную лабораторию по изготовлению бомб в доме старика Мацинмахера на Первой горе и заарестовал один троих громил-экспроприаторов, рядившихся в революционную личину анархо-синдикалисто-коммунистов.

А сколько преступлений, крупных и мелких, было им предотвращено за время служебной деятельности, ведает только один бог.

Впоследствии Савинский протекцией самого казанского губернатора был назначен начальником Сысского отделения при Городском полицейском управлении, когда в июле девятьсот восьмого года был принят высочайше утвержденный и одобренный Госсоветом и Государственной Думой закон об организации сысских служб в губернских городах.

Прослужив в этой должности девять лет, имея на своем личном счету десятки задержаний и получив чин коллежского советника, что соответствовало чину армейского полковника, принял предложение новых властей города и стал начальником Казанской судебно-уголовной милиции, что тоже поразило многих знавших его людей. Словом, его странная судьба продолжала выделявать с ним невероятные коленца.

Итак, заявив, что некоего преступника надлежит немедленно брать, начальник Казанской судебно-уголовной милиции Савинский бросил трубку телефонного аппарата и самостоятельно отправился на задержание в одном из двух приданных милиции автомобилях марки «Мерседес-Бенц».

* * *

Удивительно, как ему удалось в тот раз уйти. Казалось, дом на Тихвинской обложили так, что мышь не проскочит. Шутка ли, восемь опытных милиционеров. Сила! А он, прикончив в перестрелке двоих и ранив одного, все же сумел уйти. После чего затаился, лег на дно.

Хитрый, гад, расчетливый. Не зря погоняло у него – Жох.

В милицейском архиве была фотографическая карточка Жоха: умные живые глаза, высокий лоб, правильные черты лица, скрашенные курчавой бородкой и пышными усами. Словом, вполне презентабельный вид. И в голову не придет, что сей авантажный господин есть опаснейший рецидивист-налетчик, на совести которого несколько убийств. Впрочем, о какой совести может идти речь! Таковая тонкая материя у бандита Жоха положительно отсутствовала.

– Ни в коем случае не прекращать поиски! – горячился на оперативных совещаниях Николай Иванович. – Непременно и решительно искать! Искать всюду, где только возможно, в притонах, малинах, выходите на его приятелей, сообщников. Ищите у людей, которым он доверяет и у которых мог бы затаиться на время. Он не мог просто так исчезнуть из города. Этот Жох не просто вор-налетчик. Он убийца милиционеров. Нельзя допустить, чтобы такое злодеяние осталось безнаказанным.

На поиски Жоха были брошены лучшие силы городской милиции; они трясли на предмет выяснения схрона Жоха уголовные элементы всех мастей: фармазонщиков, вешальщиков, багажников, гостиничных воров, карманников, взломщиков, ширмачей, спецов гоп-стопа и несгораемых шкафов, профессиональных нищих и солистов иных уголовных специализаций. Трясли с усердием, на какое только были способны обозленные фараоны, невзирая на чины и статусы в уголовном мире, благо, что для экзекуций у Савинского было немало возможностей. Мешая масти, они подсаживали «громилу» к «маргариткам», а уважаемого «ивана» позорили прилюдной пощечиной.

Агенты Савинского денно и ночью мотались по кабакам, трактирам да притонам казанских слобод с фотографической карточкой Жоха в карманах. Милицейские из бывших городских работали с секретными осведомителями, коих имели еще с дореволюционных времен не по одному и не по два, работали и с дворниками, из которых «стучал» в милицейские, как в ранее полицейские, участки каждый второй, не считая каждого первого.

Все мимо!

И вдруг прямо к Савинскому на квартиру заявился знакомый по прежним временам старший дворник, прежде бывавший осведомителем, и доложил, что только что видел Жоха, входящего в «Сибирские нумера».

– А ты ничего не путаешь? – не сразу поверил в удачу Николай Иванович.

– Господь с вами, гражданин начальник. Не путаю я ничего. – Для пушей убедительности дворник даже поднес пальцы ко лбу, чтобы осенить себя крестным знамением, но раздумал. Не то нынче время! – Он это, не сумлевайтесь, с барышней проходил, – уверил его дворник. – Мне же и прежде приходилось его видеть. Исхудал малость, но это он!

– Спасибо, Никифор. Коли окажется, что ты прав, считай, две «красненьких» у тебя в кармане.

До «Сибирских нумеров» авто с открытым верхом по случаю летнего времени домчало Савинского меньше чем за четверть часа. Топтун оказался на месте и доложил, что Жох из нумеров не выходил и что милицейский наряд в количестве восемнадцати человек прибыл и обложил дом, как он, товарищ Савинский, и велел: мышь не проскочит!

«Сибирские нумера» оказались настоящим кипящим муравейником. В небольшом трехэтажном здании со множеством крохотных квартир и комнат кто только не проживал: студенты и гимназисты, жительствовавшие в одной квартире целыми землячествами; крестьяне, приехавшие в город торговать; приказчики и мелкие купчики, называвшие себя красными коммерсантами; спившиеся и потерявшие службу чиновники; аферисты и карточные шулеры; цеховые и поденщики; средней руки мошенники и вору всех возможных специализаций; еще не совсем опустившиеся проститутки; в пух разорившиеся дельцы и прочая человечья шелуха и отребье.

Дом этот ежеминутно впускал и выпускал множество людей, и не разглядеть в этом потоке народа, веером рассыпающегося по переулкам города, Жоха было вполне реально.

Поэтому Николай Иванович заторопился, к тому же им, как всегда случалось, когда он был на правильном пути, овладел нешуточный охотничий азарт.

В первой квартире, куда вошли «именем революционного закона» Савинский со своим помощником, жили беженцы-крестьяне, большущая семья из четырнадцати человек. Про человека с фотографической карточки они ничего не знали и никогда его не видели. Извинившись, Савинский с помощником пошли дальше.

Ничего не знали о нужном милиционером человеке и в следующих двух квартирах, но вот в четвертой по счету бойкая девица, явно облегченного поведения, ответила точно и ясно на все вопросы Николая Ивановича.

– Знаю такого, – отвечала она, накинув для проформы шаль на прозрачный пеньюар, под которым явственно просматривались кружевные панталончики с рюшами и оборочками и черный лиф. – Это Машкин хахаль. Она с матерью живет на третьем этаже в триста восьмом номере.

Перешагивая через ступеньку, Савинский с помощником поднялись на третий этаж и нашли нужную квартиру.

– Ну что, начали? – прошептал Николай Иванович помощнику, расстегивая кобуру и доставая казенного образца «смит-и-вессон».

– Начали, – кивнул помощник и взвел револьверный курок.

Савинский громко постучал. Потом еще и еще.

В квартире послышалось шевеление.

– Кто там еще? – спросил сонливый женский голос.

– Это из санитарно-эпидемиологической станции, – громко произнес Савинский, с трудом выговорив столь длинное название. – На предмет наличия грызунов и прочих вредных насекомых. Тут жалоба поступила.

– Нет у нас никаких насекомых, – недовольно ответили из-за двери.

– Мы должны убедиться в этом лично, – продолжал настаивать Николай Иванович. – Служба у нас такая.

– А я вам говорю: нет у нас ни мышей, ни тараканов, – послышался еще более недовольный ответ.

– Если нет, нам тогда меньше работы, только распишитесь, пожалуйста, в бумаге, и мы тотчас уйдем, – примирительно продолжал настаивать Савинский.

По ту сторону двери дважды повернули ключ, и дверь открылась. Помощник Савинского Лузгин тотчас толкнул ее плечом и, едва не сбив с ног молодую женщину, прошел внутрь номера.

Савинский тоже вошел и встал в прихожей, блокируя выход и не спуская глаз с женщины.

– Чисто, – вернулся в прихожую Лузгин.

Савинский кивнул и посмотрел на женщину.

– Начальник следственно-уголовной милиции Савинский. Давайте пройдемте в комнаты.

Квартира была небольшая: гостиная, спальня и кухня, она же столовая.

Савинский с хозяйкой устроились в гостиной, за круглым столом под розовым абажуром с витыми бархатными кистями. Вполне идеалистическая семейная картина. Не хватало разве что самовара, фарфоровых чашек с блюдцами, печенья и вишневого варенья в стеклянных розетках.

Савинский достал из кармана остро заточенный карандаш и памятную книжку.

– Ваше имя?

– Это что, допрос? – нервно вскинула голову женщина.

– Нет, – спокойно ответил Николай Иванович. – Но мы представители революционного закона, и на подобного рода вопросы вы *обязаны* отвечать.

– Хорошо, – дернула она плечом. – Мария Ивановна дочь Кусова.

– Род занятий?
– Помогаю матери торговать в мелочной лавке, – передернула она плечиками.
– Где? – зачиркал что-то в памятной книжке Савинский.
– На Малой Проломной, за Москательным рядом.
– Сейчас она на месте?
– Не знаю, – тонкие губы брезгливо поджалась. – Она мне не докладывается.
– Хорошо. – Савинский пошарил в карманах, достал фотографическую карточку Жоха и положил ее на стол перед Кусовой. – Вам знаком этот человек?

Едва посмотрев на карточку, девица произнесла категорическим тоном:

– Впервые вижу.

Пододвинув снимок ближе, Николай Иванович сдержанно настаивал:

– Будьте любезны, посмотрите хорошенько.

– А кто он такой?

– Его зовут Григорием Филипповичем Мазиним. Кличка Жох. Он бандит.

Кусова слегка приподняла снимок, сделав вид, что внимательно рассматривает его лицо.

– Нет, – глядя мимо Савинского, сказала она. – Этот человек мне совершенно незнаком.

– Вот как? – изобразил Савинский удивление. – И не видели его никогда?

– Вы правы, никогда не видела, – с явным вызовом ответила молодая женщина.

– А вы знаете, в этом доме есть свидетели вашего с ним знакомства. Говорят даже, что он ваш... ухажер, – упорствовал Николай Иванович.

– Кто это говорит, пусть у того язык отсохнет, – обожгла Кусова недобрим взглядом Савинского. – Все, товарищи хорошие, я устала и спать хочу.

В это время в замочной скважине послышался отчетливый шорох – кто-то пытался отомкнуть дверь. Стараясь не шуметь, Лузгин кинулся в прихожую и вжался в стену, держа револьвер наготове. А Николай Иванович не сводил взгляда с Кусовой и видел, как расширились ее зрачки, как напряглись мышцы лица, выдавая неподдельное волнение. А потом вдруг ее лицо сделалось обыкновенным, можно даже сказать, сонливым: открыв дверь своим ключом, в прихожую вошла пожилая женщина.

«А ведь это мог быть и Жох, – подумалось Савинскому. – Очевидно, он находится где-то в здании. Судя по реакции Кусовой, он еще не приходил к ней и может появиться здесь в любое время. И она его, похоже, ждет».

Теперь за круглым столом под розовым абажуром сидело уже четверо. Женщину, как выяснилось, звали Антониной Гавриловной.

– А позволительно будет поинтересоваться, чем мы обязаны вашему приходу? – с ехидцей спросила она. – Вы нас в чем-то подозреваете, товарищи?

– Вашей дочери мы уже все объяснили, – терпеливо ответил ей Лузгин. – Так что давайте посидим смиреннько.

– Вы меня не отпускаете?

– Нет.

– Хорошо, у вас имеются какие-то претензии к моей дочери, – оглядела она обоих милиционеров, стараясь вложить во взгляд презрение. – А какие претензии имеются у вас ко мне?

– Ничего, я объясню, – остановил Николай Иванович жестом руки Лузгина, собирающегося что-то сказать. – Ради вас, сударыня, – употребил Савинский вежливую форму старорегимного обращения к дамам, – мы начнем все сначала. Итак, ваша дочь подозревается в связи с налетчиком, рецидивистом и убийцей Григорием Филипповичем Мазиним по кличке Жох, а также в его укрывательстве, то есть непредоставлении о нем сведений правительству и властям, что является нарушением гражданского долга каждого гражданина республики и подпадает под статью четырнадцатую Уложения о наказаниях. Вам все понятно, дражайшая?

– Не знаю я никакого Мазина, мама, – вскинулась было дочь, на что Савинский не преминул заметить:

– У нас есть свидетель, который подтвердит знакомство вашей дочери с Жохом. При необходимости, я думаю, мы найдем не одного такого свидетеля.

– Но моя дочь могла и не знать, что человек, с которым она встречается, – преступник, – вполне резонно заявила Кусова-старшая.

– Могла, – согласился Савинский. – Но зачем тогда она отрицает знакомство с ним?

– Это недоразумение.

– Так что давайте подождем и выясним это недоразумение.

Жох пришел через четверть часа.

Когда в дверь осторожно постучали, Савинский и Лузгин на цыпочках прошли в прихожую и встали около двери друг против друга.

– Кто там? – спросила Кусова-младшая сорвавшимся от волнения голосом.

– Открывай, – послышалось из-за двери. – Я это, неужели не узнала.

– Беги! – завизжала вдруг Кусова так, что у Савинского заложило уши.

А потом на него прыгнула большая дикая кошка, в кровь царапая лицо и метя когтями прямо в глаза. Лузгин, оттолкнувшись от стены, бросился всем телом на дверь, и та, слетев с петель, плашмя упала в коридор. Помощник упал вместе с ней, что спасло его от пули: Жох, успевший отбежать лишь на пару саженей, стрелял почти в упор. Этого мгновения Савинскому хватило, чтобы сбросить с себя Кусову и выскочить в коридор. Жох был уже у лестничной клетки, и Николай Иванович бросился за ним, крикнув на ходу подымавшемуся на ноги Лузгину:

– Стерву стереги!

Пуля просвистела возле самой головы, подняв ветерком клочок его волос. Еще одна, чиркнув по стене, отбила кусок штукатурки и ударилась в чью-то запертую дверь. Когда Савинский добежал до лестничного пролета, Жох уже спустился на второй этаж. Опасаясь, очевидно, что выход из дома заблокирован, он побежал по коридору второго этажа. Когда Савинский вбежал в коридор, Жох уже миновал его середину.

– Стоять! – крикнул Николай Иванович и выстрелил, не целясь.

Жох, не оборачиваясь, выстрелил в ответ. На шум приоткрылись двери нескольких номеров, и в их проемах показались встревоженные лица постояльцев.

– Не выходить, не высовываться, закрыть двери! – зло гаркнул Савинский прямо в перепуганные лица и вскинул руку.

Жоху до конца коридора, где был поворот на пожарную лестницу, оставалось несколько саженей.

Пять, четыре...

Николай Иванович остановился, прицелился...

Три, две...

Затаил дыхание...

Одна...

И плавно нажал на спусковой крючок.

Жох вскрикнул, упал, затем рывком поднялся и бросился в окно. Раздался звон разбитых стекол, а затем два выстрела вдогонку.

– Уходит! – заорал кто-то внизу на улице, и Савинский бросился к выходу.

Когда он выскочил из «Сибирских номеров», то встретил из милицейского наряда только старого Игнатича.

– Он побег по Пушкинской, – заявил Савинскому Игнатич, махнув рукой.

– А где остальные? – оглядываясь, спросил Николай Иванович.

– Так за ним побегли.

– Гони на Пушкинскую! – впрыгнул Савинский на кожаное сиденье автомобиля.

Через минуту они нагнали группу милиционеров.

– Он свернул! – закричал Савинскому один из них. – На Воскресенскую.

– Поворачивай, – приказал водителю Николай Иванович.

Проехали квартал, другой.

– Вон он! – заорал, не оборачиваясь, водитель.

Но Савинский и сам уже видел Жоха, бежавшего по Воскресенской в сторону Гостиного двора. Налетчик был ранен, одна рука его висела плетью, что, однако, не мешало ему бежать весьма резво.

Заслышав шум мотора, Жох оглянулся. Увидев мчавшийся за ним автомобиль начальника милиции, бандит припустил пошибче; не сбавляя скорости, свернул с Воскресенской улицы в проулок, ведущий к Черному озеру, заросшему по берегам вековыми деревьями и кустами, в которых надеялся затеряться.

– Давай заворачивай за ним! – крикнул водителю Савинский.

Милицейское авто со всего маху резко повернуло, едва не наехав на женщину в летнем дипломате, переходившую проулок. Только в самый последний момент водителю удалось вывернуть руль, и автомобиль промчался мимо, задев-таки ее правым крылом. Женщина отлетела на тротуар, но Николай Иванович успел увидеть ее лицо.

Знакомое лицо. Еще из той, прежней жизни.

Медлить больше было нельзя. Жох вот-вот мог достигнуть спасительной для него прибрежной рощицы. Савинский взвел курок револьвера и, прицелясь, дважды выстрелил. Налетчик как-то неловко запнулся, ноги его заплелись, и он, пробежав неуверенных несколько шагов, рухнул на мостовую. Тело его несколько раз перевернулось и замерло.

– Как вы его сняли-то, а? – в восхищении обернулся на Савинского водитель, притормаживая возле распростертого на мостовой тела.

Жох был мертв. Обе пули Николая Ивановича попали в цель: одна в спину прямо против сердца, а другая в голову. Делать здесь больше было нечего.

Обратно они возвращались той же дорогой. Женщины, которую они сбили, на тротуаре уже не было.

«Слава богу, – подумал Николай Иванович, морща лоб. – Очевидно, дамочка отделалась только ушибами. Но где же я мог ее видеть?»

Глава 5. ИГРА – В «ТРИ КОСТОЧКИ»

Савелий Родионов вышел из банка в большой задумчивости, что не укрылось от внимательного взгляда комиссара Бочкова – тот был вынужден дважды повторить свое приглашение отобедать в «Славянском базаре».

Не без труда скинув с себя оцепенение, Савелий напрямик отправился на телеграф. То, что он увидел у Бочкова в банке, напрочь отметало возможность взять его традиционными методами и малыми силами. Нужны были специальные инструменты, а лучше бы их назвать средствами, могущими помочь в этом сумасшедшем по масштабам предприятии. До него подобного взлома никто не совершал, и это было едва ли не главным стимулом для вдохновения.

Будучи старшим инспектором Наркомата финансов Александром Аркадьевичем Крутым, взять с собой инструменты Савелий, конечно же, не мог, а следовательно, предстояло придумать нечто такое, что существенно отличало бы предстоящий взлом от всего того, что он делал раньше.

А о том, что его задуманное предприятие безрассудно, Савелий прекрасно ведал еще до Казани. Подломить Государственный банк было еще половина безумия. Второй половиной было то, что целью нового дела были не ценные бумаги и заемные векселя, пусть даже и национального достоинства, не корона императрицы Екатерины Великой, которую он с большими трудностями, но взял здесь же, в Казани, девять лет назад, а золотой запас России.

Конечно, в случае удачного взлома банка вывезти все золото не представлялось возможным, но как заманчиво взять хотя бы часть и сделать то, о чем до него никто даже не помышлял. И тем самым подтвердить, что он действительно король медвежатников. Доказать в первую очередь самому себе. А после такого дела можно и на покой. «На пенсию», как с недавнего времени стали говорить фартовые, собирающиеся завязать с воровским промыслом.

Кроме того, помимо необходимых средств, для успешного проведения дела нужны были еще и надежные люди. Конечно, у него в подручных будет Мамай. Но кроме него надо еще как минимум три-четыре человека-специалиста. А Мамай... Мамай ждал от него в Москве депеши со специально оговоренным содержанием именно после того, как Савелий посетит банк.

Савелий прошел к зданию Центрального телеграфа и отбил депешу следующего содержания:

Мама (так и хотелось поставить «й») доехал благополучно обстоятельства вынуждают пробыть здесь еще три-четыре дня Александр.

Что значило: Мамай (*мама*), в банке побывал (*до-ехал* благополучно), жду тебя со всеми необходимыми средствами (*обстоятельства вынуждают*) самого с еще тремя-четырьмя людьми, знающими толк в задуманном деле (*еще три-четыре дня*).

Депеша благополучно ушла в Москву, и Савелий Николаевич направил свои стопы к гостинице. Был он опять задумчив, что случилось с его деятельной и кипучей натурой не часто, и шел медленно.

О чем он думал?

Можно было предположить, что размышлял он о своем безумном предприятии, должном случиться в ближайшие дни; проделывал в мозгу все действия шаг за шагом, старался учесть все мелочи и детали и предусмотреть трудности и препятствия, могущие возникнуть по ходу ограбления золотой цитадели.

Возможно, он думал о Лизавете, сидящей в одиночестве в гостиничном номере и беспокоящейся о нем: как он там? Но, прислушавшись к себе, он вдруг обнаружил, что его точит неосознанное беспокойство. К чему бы это?

Елизавета была едва ли не самым слабым звеном в его запутанной жизненной цепи.

Черт побери, вместе они уже почти полжизни, а он все никак не может до конца понять ее. Все будто юноша, который, идя на свидание к любимой, гадает: придет не придет...

А занятия любовью?... Всякий раз, будто первый! Вспомнить хотя бы прошедшую ночь.

Все началось с того, что, по своему обыкновению, Елизавета загадочно и призывно посмотрела на Савелия. Взгляд этот означал то же, что значит призывный звук трубы для воинских полков: пора выступать в поход.

Этого всегда оказывалось достаточно, чтобы в голове у Родионова осталась одна-единственная мысль: хочу обладать этой прекрасной женщиной. Она всегда была для него желанна: и в двадцать лет, и в тридцать с хвостиком. Страсть вместе с толчками сердца вошла в него и напрочь лишила разума. Где они, который теперь час и стоит ли до сих пор мир или уже рухнул – не имело никакого значения. Он резко притянул ее к себе, уткнулся лицом в золотистые волосы, жадно вдыхая их аромат и все крепче прижимая ее к себе. Елизавета на миг оцепенела, потом мягко скользнула горячей ладонью под отворот его сорочки, провела по груди, прижалась губами к его пылающей щеке. Слова были лишними. Они находились одни в этом бессловесном пространстве, стаскивая, стягивая и сминая одежду друг друга, в неистовом нетерпении подхлестывая и без того обезумевших демонов страсти. Савелий развернул ее на спину, одним рывком стянул рюшево-кружевные панталоны, подхватил ладонями округлые ягодицы и одним упругим толчком вошел в нее. Оба замерли, оглохшие от гулкой тишины, наполнившей всю вселенную. Потом он стал двигаться в ней, все убыстряя темп, и возрастающее наслаждение стало охватывать его, как морской прибой прибрежную гальку.

Она царапнула своими коготками его крепкие плечи, обхватила его ногами, и он откликнулся на ее призыв неистово и безжалостно, невероятно ускорив темп. Пространство вокруг них растворилось, исчезло в небытие, оставив только жгучее яростное стремление к чему-то там впереди, некоей общей для них вершине, сверкающей в ореоле раскаленных страстью тел. Каждое движение Савелия, как и движение Елизаветы навстречу ему и в такт, были ступенью к этой вершине, и они были едины и неразделимы на пути к зениту наслаждения друг другом. Пока не достигли его разом.

Он наконец очнулся. А потом долгий и протяжный стон Елизаветы и вовсе вернул его в гостиничный номер. Елизавета разомкнула на его спине руки и выдохнула успокоенно и удовлетворенно. Сладко улыбаясь, она несколько минут лежала, закинув руки за голову, потом поднялась и, привычно чмокнув Савелия в щеку, ушла в ванную.

* * *

Мысли Савелия Родионова вернулись к предстоящему делу.

У Александра Аркадьевича Крутова, согласно легенде, имелись мать и отец, которые проживали в Москве.

А у него? Родных он не знал. Отец и мать ему заменил Парамон Миронович, король Хитровки, который по-своему любил его и изыскал средства для его образования в Европе. Берлинский университет ведь кое-что значит, правда? А дядькой приставил к нему преданного, как собака, татарина Мамаю, душегуба и убийцу, который вот уже сколько лет опекал Савелия как личный телохранитель и был первейшим помощником в его воровских промыслах. Про мать и отца ему рассказал начальник розыскного отделения Департамента полиции Москвы, генерал-майор, его сиятельство граф Григорий Васильевич Аристов.

«Дружба» генерала Аристова и взломщика несгораемых шкафов, выходца с Хитровки, Савелия Родионова началась лет пятнадцать назад с ограбления в канун Пасхи банка, что был расположен в Староконюшенном переулке. Это было уже седьмое ограбление за последние два месяца, и, как писали газеты Первопрестольной, взломщик «действовал так искусно, что не оставил после себя никаких следов, могущих хоть как-то помочь уголовной полиции в рас-

крытии сих дерзновенных преступлений». «Московские ведомости» язвительно писали, что взломщики чувствуют себя в хранилищах московских банков столь же уверенно, как будто находятся в собственной спальне, и задавались вопросом: «А нужны ли банки вообще, коль дверцы несгораемых шкафов и сейфов столь гостеприимно распахиваются, едва к ним прикоснется рука злоумышленника?»

После того как был вскрыт сейф Торгово-сырьевой биржи, восьмой по счету, в чем опять-таки чувствовалась знакомая рука, раскрытие этих возмутительных преступлений было поручено начальнику розыскного отделения Департамента полиции Москвы графу Аристову. Григорий Васильевич до этого имел весьма неличеприятный разговор с директором департамента полиции генералом Ракитовым, который в запале и крайнем раздражении сравнил Аристова с классной дамой, коей лучше удалось бы воспитывать благородных девиц, нежели возглавлять московскую уголовную полицию. На карту была поставлена репутация, и честолюбивый граф решил вплотную заняться банковскими ограблениями и полностью реабилитироваться перед начальством. Он самолично повел дознание, однако поначалу, кроме примет преступника, вполне обыкновенных и присущих тысячам, если не десяткам тысяч москвичей, выяснить ничего не удалось.

Через месяц последовало новое ограбление. Ракитов рвал и метал и заявил, что, ежели взломы банков не будут раскрыты в ближайшие месяцы, Аристову придется серьезно подумать об отставке.

И граф закусил удила. К розыску изобретательного и, несомненно, талантливого медвежатника им были привлечены все имеющиеся у него в распоряжении агенты, от домушников и щипачей, нищих и проституток до великосветских барышень и отпрысков знатнейших княжеских фамилий, на коих у графа имелся приличный компрометаж. Один из осведомителей, некто Никанор, прибившись к группе нищих, проживающих в одной из богаделен Хитровки, вышел на верный, как он докладывал в своих записках Аристову через посыльного, след и обещал графу выложить имя медвежатника уже через неделю. Однако через неделю посыльный принес Григорию Васильевичу неприятную новость: агент Никанор исчез. Искать его, а вернее, его труп, следовало, скорее всего, в зловонных нечистотах Неглинки. И граф понял, что тайна человека, которого он разыскивает, лежит в темных переулках Хитрова рынка.

А потом состоялось знакомство Аристова с Родионовым... за карточным столом. Более того, граф оказался в должниках у Савелия Николаевича, выдававшего себя за промышленника и мецената, приняв от него в долг приличные деньги. На всякий случай генерал велел установить наблюдение за Родионовым, интуитивно заподозрив его, что он не тот человек, за которого себя выдает.

Затем на Мытном дворе был вскрыт еще один сейф и похищено триста тысяч рублей – просто немислимые деньги. И опять никакой зацепки. Стало ясно, что в Москве орудует взломщик высочайшего класса, коего до него еще не было.

Настоящий король медвежатников!

Кресло под Аристовым шаталось все сильнее, и следовало немедленно предпринимать решительные шаги. Вскорости им была устроена облава на Хитровом рынке и арестован хитровский туз – Парамон Миронович, коему за его деяния грозила бессрочная каторга. В ответ на это Родионов выпотрошил еще три банка и вынес из их сейфов драгоценностей и ценных бумаг на сумму полтора миллиона рублей. И телефонировал инкогнито Аристову, поставив ему ультиматум: либо Парамон выходит на свободу, либо он взламывает Национальный банк России.

Ни много ни мало.

Аристов лично побывал в банке, приказал усилить охрану, но ничего не помогло: главный сейф Национального банка был вскрыт и решительно очищен от содержимого. Ракитов обозвал Аристова болваном и пригрозил Сибирью. Пришлось выпустить и Парамона Мироновича: на стол графа вместе с утренней почтой лег синий конвертик с фотографическими

карточками весьма пикантного содержания, главным действующим лицом на которых был сам начальник уголовной полиции Москвы. А потом не-кто протелефонировал Григорию Васильевичу о том, что, ежели Парамон не будет отпущен из Бутырок, карточки сии лягут веером на стол директора департамента полиции, действительного статского советника господина Ракитова. И прощай служба! Неуловимый медвежатник сделался личным врагом графа.

Скоро в Первом Промышленном банке был вскрыт сейф новейшей конструкции с часовым кодом, считавшийся неприступным, после чего Аристов вышел наконец на след взломщика. Им оказался известный ему... господин Родионов. Теперь надлежало только собрать улики против него. После чего арестовать голубчика и отрапортовать генералу Ракитову об успешном окончании следствия.

Но улик собрать не удавалось. Тогда Аристов пригласил Родионова к себе «на чашечку чая». Савелий пришел. Тут-то граф и поведал Савелию о его родителях.

– Хотите увидеть своего отца? – неожиданно спросил Григорий Васильевич.

– То есть? – вскинул брови гость.

Генерал открыл папку с тесемками, лежащую перед ним, и достал фотографический снимок.

– Вот. Вам знаком этот человек? – протянул он карточку Савелию.

Савелий осторожно взял снимок в руки. На нем был запечатлен молодой человек в возрасте около двадцати пяти лет, шеголевато одетый, приятной внешности со слегка печальной улыбкой. Большие пальцы его рук были победительно заложены за лацканы сюртука. Несколько мгновений Родионов рассматривал карточку, а потом вопросительно поднял на графа взор.

– Да, да, – кивнул ему начальник уголовной полиции. – Это ваш отец.

Савелий побледнел.

– Что с вами? – уж слишком участливо спросил Аристов. – Вам нехорошо? Выпейте воды, ослабьте галстук, прошу вас...

Родионов отхлебнул из протянутого бокала. Вода показалась невкусной, даже горьковатой.

– Не стоит беспокоиться, генерал, – как можно более спокойнее ответил Савелий и натянуто улыбнулся. – Я никогда не видел своего отца. А вы, – он непроизвольно сглотнул, – знаете что-нибудь о нем?

– Весьма немного, – признался Григорий Васильевич. – Но даже то, что известно, позволяет мне сделать вывод о несомненной незаурядности вашего батюшки.

– Продолжайте, пожалуйста, – произнес Савелий неожиданно севшим голосом.

– Извольте. Отец ваш, Николай Ильич Родионов, был некогда весьма блестящим офицером. Но у него, как и у многих из военных, пришилась одна весьма пагубная страстишка.

Аристов посмотрел на Родионова и выдержал небольшую паузу.

– Не догадываетесь, какая? Карты! И надобно сказать, что в этом деле он весьма преуспел. Ходили даже слухи, что свое состояние он сколотил именно на карточной игре. И как это обычно случается, он его совершенно бездарно разбазарил. Спустил, что называется. Уж очень ваш покойный батюшка любил женщин. Красивых женщин, что всегда требует немалых затрат. М-да. Но это еще полбеда.

Генерал замолчал, искоса глянул на собеседника, дабы убедиться в эффективности своего рассказа, и продолжил:

– Карты и женщины хоть и мешают службе, а все же дело житейское, и начальство на это смотрит сквозь пальцы. Так что у вашего батюшки была совершенно очевидная возможность выйти в полковники, а то и в генералы. Все-таки потомственный дворянин, умен, обаятелен, образован. Таких любят... Однако шельмовать в карты – дело совершенно другое. И однажды Николай Ильич попался. Полк свой ему пришлось с позором оставить, однако карьера его на

этом не окончилась, а, наоборот, стала, если можно так выразиться, только набирать обороты. Батюшка ваш стал разъезжать по Европам и в вагонных купе принялся с успехом обыгрывать толстосумов, покуда его не поймали за руку и как шулеру отрубили на карточном столе пальцы. Думаете, это его остановило?

Аристов теперь уже напрямую посмотрел на Савелия, как бы приглашая его вознегодовать вместе с ним. Но Родионов слушал с каменным лицом, и что творится у него в душе, так и осталось для генерала загадкой.

– Ничуть! – продолжил Григорий Васильевич. – Ваш батюшка оказался не из тех людей, которых может остановить такой пустяк. Он освоил, притом блестяще, новое ремесло: мошенничество! А специализировался он на том, что стал продавать доверчивым иностранцам дома, имения, дворцы. К примеру, одному конгрессмену Северо-Американских Соединенных Штатов он продал в Петербурге, что вы думаете? Адмиралтейство!

Аристов хохотнул, но Родионов продолжал оставаться непроницаемым.

– Представляете, с каким недоумением смотрели служащие Адмиралтейства на чемоданы и баулы, которые заморский гость выгрузил перед его парадным входом, намереваясь поселиться в сем уважаемом заведении? А вашего батюшку арестовали в тот самый момент, когда он с двумя саквояжами золота и драгоценностей намеревался навсегда покинуть свою родину и отбыть в славный городок под названием Париж. Вам интересно, что было дальше?

– Да, – просто ответил Савелий, совладав с собой. – Если вас, конечно, не затруднит.

– Ни в малейшей степени, – отозвался на это граф и продолжил, опять выдержав паузу, как это делает артист, когда хочет, чтобы его реплика получилась более значимой и весомой и произвела на публику наивыгоднейший эффект: – Он получил десять лет каторжных работ. На Сахалине. С поражением в правах, лишением состояния и дворянства... Знаете, – граф опять выдержал паузу, – на каторге всегда очень остро стоит женский вопрос. На десять мужчин там приходится всего лишь одна женщина. Через восемь лет ваш батюшка был высочайше помилован и отправлен на поселение. Там он познакомился с воровкой по кличке Острая Даша. Она была превосходной карманницей и славилась тем, что умело обчищала карманы мужчин во время объятий. Это и была ваша матушка. Хотите взглянуть на нее?

– Да, – еле выдавил из себя Савелий, будто кто-то неведомый со всей силы сжал его горло.

– Извольте.

Родионов принял протянутую ему графом пожелтелую по краям фотографическую карточку. На него смотрела молодая женщина с большими, немного наивными глазами. Слегка подретушированный снимок придавал ее облику некую искусственность, даже фальшивость, но, несмотря на это, Острую Дашу вполне можно было назвать красивой.

– Не правда ли, эффектная женщина? – спросил наблюдавший за реакцией Родионова граф. – Вы на нее очень похожи. Странно, что вы о своих родителях ничего не знаете. Это не так уж трудно было бы сделать, если бы вы...

– Вам известно, как они познакомились? – не дал договорить генералу Савелий.

– Вам интересно? Что ж, извольте. Здесь как раз все просто. Каторжанки жили на поселении. Выращивали овощи, торговали. Как только прибывал очередной этап, их сгоняли в общий барак, и устраивались смотрины. Самые привлекательные женщины доставались администрации лагеря. Затем шли лагерные авторитеты, а ваш отец был именно из таких. Хотя для меня так и остается загадкой, почему его не порешили в первую же ночь: белую кость в лагерях не любят. Да. Так вот, он и выбрал Острую Дашу по праву сильного.

Признаться, Савелий ожидал от генерала Аристова всякого: ареста, какой-нибудь провокации, но уж никак не разговора о его родителях. Родионов был даже благодарен графу за его рассказ, так как до этого знал о своих родителях лишь то, что они все-таки были.

Выйдя от генерала, он зашел к Парамону, своему названому отцу. И тот, смущенный откровенными вопросами о родителях, был вынужден выложить про его отца и мать все, что не рассказал или не знал граф Аристов.

– Почему ты никогда не рассказывал мне о них? – хмурил Савелий брови, заставляя грозного старика испытывать неловкость. – Почему столь важные для меня вещи я принужден узнавать от генерала полиции, а не от тебя?

– Ну... ты и не спрашивал об этом, – не нашелся более ничего сказать в свое оправдание Парамон Миронович. – А потом, я все ждал подходящей минуты...

– Вот она, самая что ни на есть подходящая минута, – отрезал Савелий. – Говори, я слушаю тебя.

Старый маз вздохнул. Верно, воспоминания для него были не очень приятны.

– С твоим отцом я познакомился на сахалинской каторге. В то время я был «иваном», то есть имел воровскую власть. Тебе, мой сын, трудно об этом судить, но каторга – это тоже жизнь, со своими законами и уставом, которые, чтобы выжить, надобно соблюдать неукоснительно. Иначе – край. Николай же держался особняком. Я, мол, никого не трогаю, и меня никто не смей. Однажды наскочил на него один из «шестерок», денег стал требовать. Так Николай порезал его ножиком и так изящно вывернул ему все нутро, что после этого более его никто не задевал, и он жил сам по себе, ни на кого не оглядываясь. Словом, за себя постоять мог.

– А что с ним случилось?

– Он ведь был шулер. Знатный шулер. Одно время гужевался с «игроками», был у них в крепком авторитете. А у весовых завсегда недругов воз и маленькая тележка. У Николая же, особенно когда он на Дашку Острую глаз положил, таковых и вовсе стало не счесть. На первых порах помогал я ему малость, сошлись мы с ним, хотя я и не голубых кровей. А потом перевели меня в другое место, так ему еще тяжелее стало отбиваться.

Старик нахмурил брови и остро глянул на Савелия:

– Слышал ты про такую игру – в «три косточки»?

– Доводилось.

– На каторге тогда все в нее играли. На паек, деньги, на жизнь. Кто проигрывался, попадал в собственность к выигравшему. Тот мог продать его, поменять, держать при себе как прислугу, как раба, как любовника. Мог даже убить! Так вот, был на каторге такой храп с погонялом Дрын, сука последняя. По нем давно вилы плакали. Рабов таких у него было с десятков. На кого пальцем покажет, на того и кидаются глотку рвать. А с отцом твоим у Дрына отношения как-то сразу не заладились. А как меня убрали, так между ними настоящая война началась не на жизнь, а на смерть.

– За что?

Парамон Миронович невесело усмехнулся.

– За власть, Савельюшка, за власть: кому на каторге верх держать. А Дрын, надо сказать, тоже дюже в карты шельмовать мог. Вот Николай и предложил ему: кто выиграет, тому и власть держать. Четыре дня и четыре ночи кряду играли они безвыходно – ну, разве что по нужде выходили, – покуда спор свой не окончили. Николай, сказывают, поначалу проигрывал, но потом отыгрался да еще половину его рабов прикупил. Словом, выиграл. Дрын для виду смирился, а сам прислал в пятый день на хату Николая раба своего, душегубца с бритвой острой. Тот по нечаянности шумнул, так твой батюшка, упокой Господь его душу, проткнул его железным прутом...

– Как это? – спросил Савелий.

– А так, насквозь. Каторга, брат ты мой, всему научит... Месяц после этого еще прожил Николай. А потом вызвал его как-то к себе один начальник. Когда от него возвращался, его и порезали. Прямо в поле, Царство ему Небесное, – размашисто перекрестился Парамон. – Даша Острая, матушка твоя, горевала о нем шибко. Два раза ее из удавки вытаскивали – вот до

чего тоска ее съедала. Второй раз едва откачали. Ну и пошла плясать губерния. Она и ранее-то любодейством не брезговала, а опосля и вовсе будто с цепи сорвалась. Мужики к ней, ты уж прости меня, старого, за такие слова, в очередь к ней становились. Ну, и пила, конечно. Допилась до того, что тебя продала. Я потом выкупил тебя за штоф водки. А матушка твоя вскорости померла с перепоя. Так-то вот.

Парамон Миронович вздохнул и истово троекратно перекрестился. А потом продолжил:
– Опасался, скажу я тебе, как бы ты в нее не пошел, к водочке страстишки бы не имел. Но ты ничего, в батюшку. Он у тебя кремень был. Да и ты не рохля какая, тоже с характером не слабым. Потому ведь мало кому удастся на Хитровке вырасти, да в дерьме не вымазаться...

Савелий вздохнул, и в левой стороне груди, там, где находится сердце, что-то остро защемило. «Становлюсь сентиментальным, – подумал он и невесело усмехнулся. – Это что, старость?»

Савелий Родионов прибавил шагу, и в номера «Франция» входил уже уверенно и с достоинством, которое и должно быть присуще ответственному работнику из самой Москвы.

Глава 6. ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД

– Что случилось? – спросил Савелий тревожно.

Как только он вошел в гостиничный номер и увидел Лизу, так сразу почувствовал неладное. К тому же в номере пахло, как в больнице или аптеке: то ли карболкой, то ли этой едкой духовитой мазью – как ее? – которой мажут синяки и раны.

– Савелий, ты только не пугайся, ничего страшного. – Елизавета попыталась даже улыбнуться, хотя бок сильно болел и саднил после того, как она намазала его противовоспалительной мазью доктора Вишневого. – Меня просто случайно зацепил автомобиль. Но со мной все в порядке.

– Ты выходила в город? – посуловел Савелий. – Но я же просил тебя, Лиза: ни в коем случае не выходи одна из номера. Нас могут узнать!

Елизавета чувствовала себя виноватой.

– Прости, пожалуйста. Мне захотелось пройтись, посмотреть город, как он изменился с тех пор, как мы...

Лиза всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Савелий бросился к ней, присел на диван, на котором она сидела, по своему обыкновению поджав под себя ноги, обнял за плечи.

– Милая, – зашептал он, – Лизонька, девочка моя... Прости за мою грубость... Тебе очень больно?

Волна жалости к ней подступила к самому горлу.

– Прости меня, – повторил он тихо.

– За что? – подняла она голову.

– За все.

Их взгляды встретились.

– Я боюсь, – едва слышно промолвила она.

– Чего?

– Этого твоего нового дела.

– Не бойся, все будет хорошо.

Он погладил ее волосы и ткнулся носом в бархатистый завиток.

– Мне очень беспокойно, милый.

– Может, тебе все же уехать? Сама понимаешь, в Москве тебе будет спокойнее.

Елизавета усмехнулась:

– Куда же я от тебя? Ты мой муж, я твоя жена. Ты иголочка, я ниточка. Куда ты, туда и я. Я это уже давно решила.

Савелий наклонился и поцеловал тыльную сторону ее ладони. Ее прохладная рука слегка дрогнула.

– Клянусь тебе, что это будет мое последнее дело.

Она вздрогнула.

– Не говори так... *Последнее...*

– Отчего же?

– Меня пугает это слово.

Она поежилась, будто от холода.

– Хорошо, – обнял ее Савелий. – Тогда я скажу иначе: после этого дела я завязываю. Ухожу на пенсию.

– Правда?

– Правда.

Ее глаза начали светиться. На лице появилась улыбка. Ну вот, слава богу, перед ним прежняя Лизавета. Его императрица Елизавета Петровна.

– Это хорошо. Это *очень* хорошо. Я так давно хотела услышать эти слова... – И вдруг, без всякого перехода, сказала капризно, как девочка-подросток: – Ты знаешь, здесь никто не носит шляпок. Все носят косынки или платки. На меня, в шляпке и перчатках, смотрели, как на выходца с того света.

– Ты же как-никак жена ответственного работника, и тебе просто положено прилично одеваться, – заметил ей с улыбкой Савелий. – Так что будь добра соответствовать.

– И все же купи мне косынку.

– Зачем? Ты больше никуда не выйдешь.

– Ну купи.

– Хорошо, куплю. – Он нахмурил брови: – А теперь покажи, куда тебя приложило.

– Ни за что, – отодвинулась от него Лизавета.

– Почему?

– Не хочу, чтобы ты видел меня такой.

– Ну, может, я смогу тебе чем-то помочь.

– Чем? Я уже сама себе помогла. Там просто огромный синячище, и все, – недовольно буркнула она. – Я не хочу, чтобы ты это видел.

– Больно тебе?

– Немножко. Но это скоро пройдет.

– Смотри у меня! – сделал нарочито строгое лицо Родионов.

Лиза шутиливо приложила пальцы левой ладони к виску.

– Слушаюсь, товарищ старший инспектор Наркомата финансов.

– Честь отдается правой рукой, – сделал назидание Савелий.

– А вот здесь ты лукавишь, – игриво посмотрела на него Лизавета. – Честь отдается вовсе не так.

– А как?

– А вот, смотри.

Елизавета высвободилась из его объятий, легла на диван и, слегка приподняв юбку, призывно протянула к Савелию руки.

– А ты, оказывается, хулиганка, – ослабил Родионов галстук на шее.

– Только самую малость.

* * *

Это был второй визит Савелия Родионова в банк. Задержаться на сей раз предстояло подольше, а действовать следовало куда искуснее.

– А что предусмотрено на случай экстренной эвакуации золота? – спросил Савелий, то бишь Александр Аркадьевич, оторвавшись от финансовых гроссбухов банка.

Бочков и главный бухгалтер удивленно переглянулись. Прежде им таких вопросов не задавали.

– Вы полагаете, Казани все же грозит вторжение чехословацкого корпуса? – осторожно спросил комиссар Бочков.

– Ни в коей мере, – твердо ответил Савелий Родионов, сведя брови к переносице и осуждающе глядя на Бориса Ивановича. – Наша Красная Армия, несомненно, даст сокрушительный отпор этим белогвардейским прихвостням, если они попытаются сунуться сюда. Я спросил это постольку, поскольку такая мера предосторожности просто обязана иметься у банка, хранящего столь значительное количество материальных средств. Не более того.

– Хорошо, – не сразу ответил Бочков. – Пойдемте.

Савелий охотно отложил бухгалтерские документы, в которых мало что смыслил, и пошел за Борисом Ивановичем.

Они вышли на задний двор, и Родионов увидел рельсы, подходящие прямо к зданию банка, а чуть поодаль – локомотив с прицепленными четырьмя вагонами без окон.

– Это узкоколейка. Она только строится, но уже проложено двести пятьдесят саженей пути. Она свяжет банк с железной дорогой. И если вдруг...

– Не хотелось бы говорить про это «вдруг», – сдержанно заметил Родионов. – На пути чехословаков стоят усиленные заслоны Красной Армии, так что Казань им не взять.

– Нарвоенком товарищ Троцкий просто не допустит этого.

– Разумеется!

– Что вас еще интересует, товарищ Крутов? – спросил «инспектора» Бочков.

– Все. Сигнализация банка, его охрана и ее личный состав, сотрудники банка, – не замедлил с ответом Савелий Николаевич. – Товарищ нарком финансов ждет от меня очень обстоятельного доклада.

Глава 7. ДОПРОС

Николай Иванович промучился весь вечер, пытаясь вспомнить, где же он мог видеть лицо этой хорошенькой гражданки, едва не угодившей под колеса их автомобиля.

В том, что он прежде видел эту весьма привлекательную женщину, Савинский не сомневался; память его была невероятно цепкой, и человек, пусть однажды и только мельком виденный им, навсегда запечатлевался в его мозгу, как на фотографической пластине. Сбои в памяти случались по иной причине: видеть-то видел, но вот где и при каких обстоятельствах?

По опыту Николай Иванович знал, что если он и дальше будет пытаться вспомнить ее, то это ничего не даст, и он станет мучиться все сильнее, а главное – напрасно. Надо было просто переключиться на что-то другое, и тогда память сама выдаст нужную информацию без всяких на то усилий с его стороны. Однако труднее всего было приказать себе не думать о ней, ведь с мыслями справиться бывает сложнее, чем даже с собственными привычками.

Утром следующего дня его закрутили дела: ежедневное оперативное совещание, работа со сводкой происшествий, которых только прошлым вечером и ночью случилось более полутора десятков; дознание по делу подполковника Министерства внутренних дел Прогнаевского, одно время (лет десять назад) прикомандированного к Казанскому губернскому жандармскому управлению и посему присланного этапом из Нижнего Новгорода в Казань на дознание. Пока ему вменялось в вину проживание по чужому паспорту, хотя дело пахло передачей его следователям Губернской Чрезвычайной комиссии, ибо жандармский подполковник – это вам не комар чихнул, а почти что фигура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.